

Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории)

Р.М. НУРЕЕВ, Ю.В. ЛАТОВ

Институциональный подход к анализу развития российской средневековой цивилизации невозможен без обращения к теории «азиатского способа производства». С точки зрения этого подхода российская цивилизация является своего рода «двойной периферией» – периферией одновременно стран западного пути развития, основанного на частной собственности, и стран восточного пути развития, основанного на власти-собственности. Мобилизационно-коммунальная среда российской цивилизации и сильное влияние восточных институтов создавали доминирующие предпосылки для развития институтов «азиатского способа производства», однако сохранялись возможности и для развития феодальных институтов. На протяжении XIII–XVII вв. шло активное противоборство между четырьмя моделями российского государства – московской, литовской, новгородской и казацкой. Окончательная победа московской модели, основанной на доминировании «азиатских» институтов, была обусловлена рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. Институциональная конкуренция разных моделей развития российской цивилизации продолжается и в наши дни – например, в форме конкуренции моделей развития России, Украины и Белоруссии.

Ключевые слова: институциональная экономическая история, российская цивилизация, азиатский способ производства, власть-собственность, мобилизационно-коммунальная среда, институциональная конкуренция

Изучение закономерностей социально-экономической истории России необходимо не только из соображений национального самопознания, но и потому, что она неразрывно связана с одной из главных теоретических проблем обществоведения – различием восточного и западного путей развития.

Еще до монголо-татарского нашествия XIII в. социально-экономическое развитие России (точнее, ее предшественницы – Киевской Руси) сильно отличалось от западноевропейского. Русское государство XIII–XVII вв. (именно этот период принято считать временем этногенеза русских – этнического ядра современных россиян) еще более отделилось от западного пути развития, приближаясь к «восточному деспотизму». В эпоху Петра I сложилось ощущение, что «русские – азиаты в Европе и европейцы в Азии». При этом сами россияне (в первую очередь,

представители российской элиты) считали себя скорее «европейцами в Азии», форпостом европейской цивилизации, а вот европейцы глядели на россиян, напротив, как на «азиатов в Европе», угрозу западноевропейской культуре.

Колебание между восточной и западной моделями развития проходит красной нитью через всю российскую историю. Многократно (последний раз – в самом конце XX в.) Россия демонстрировала желание стать «нормальной» европейской страной, но получалось «как всегда». Исторический опыт России показывает, с каким трудом осуществляется европеизация даже на окраине самой Европы. Поскольку Россия совмещает черты «отсталого Запада» и «передового Востока», то анализ ее социально-экономической истории помогает понять объективную ограниченность западного пути развития.

Предлагаемая авторами данной статьи трактовка развития российской цивилизации является попыткой синтезировать различные подходы к социально-экономической истории России, связанные с институциональной теорией¹. На страницах журнала «Мир России» ранее уже давалось полемическое изложение (в форме своего рода «Анти-Дюринга») некоторых идей этого подхода [Латов 2001; Латов 2008]. В данной публикации авторы излагают свою концепцию в систематизированной форме, сосредоточив внимание на проблеме формирования «генетического кода» исторического развития российской цивилизации.

Власть-собственность как базовый институт русской средневековой цивилизации

Формационная методология анализа социально-экономической истории русской цивилизации

Для анализа социально-экономической истории русской цивилизации мы предлагаем использовать модель формационного развития (*рисунок 1*), согласно которой в развитии человеческого общества выделяется пять прогрессивных (по отношению к изначальному первобытному обществу) социально-экономических формаций – «азиатская», античная, феодальная, капиталистическая и посткапиталистическая².

¹ Полное изложение взглядов авторов дано в монографии [Нуреев, Латов 2010].

² Эта схема основана на теории общественного развития, подробно обоснованной в монографии [Нуреев 1989]. Хотя давно идет дискуссия о соотношении формационного и цивилизационного подходов к анализу развития цивилизации, на наш взгляд, оба эти подхода можно совместить в рамках одной «большой» теории. Формационный подход обращает основное внимание на формальные «правила игры», цивилизационный – на неформальные. Можно использовать следующее образное сравнение: формации – это крутые лестничные пролёты (параллельные или последовательные), а цивилизации – соревнующиеся друг с другом команды «игроков», которые бегут наперегонки по этим формационным лестницам. Некоторые лестницы сближаются друг с другом, так что можно с одной перепрыгнуть на другую; некоторые (как, например, азиатский способ производства и «кочевой феодализм») ведут в тупик или образуют кружащий лабиринт. В зависимости от того, какие лестницы приходится штурмовать, команды вырабатывают неформальные правила взаимоотношений между членами команд, которые по инерции сохраняются даже тогда, когда команда начинает бег по совсем новой лестнице.

Эта модель основана на представлении о двух параллельных путях общественного развития. Один («восточный путь») основан на институтах коллективной собственности и государственного регулирования, другой («западный путь») – на институтах частной собственности и спонтанного регулирования. По первому пути шло большинство раннеклассовых цивилизаций, однако он в целом оказался менее прогрессивным. Осуществить спонтанный переход от доиндустриального к индустриальному общественному строю удалось только обществам западного пути развития.

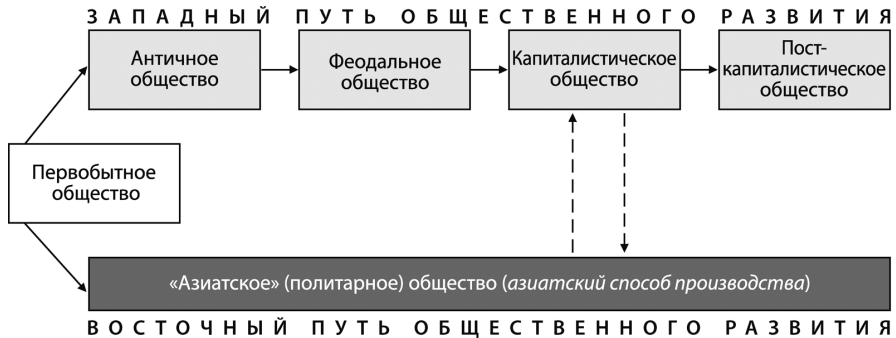

Рисунок 1. Модель формационного развития человеческого общества (сплошные линии показывают векторы спонтанного развития, пунктирные – векторы развития, обусловленного искусственной социальной инженерией)

Азиатский способ производства («восточный деспотизм») предстает в данной схеме как одно из первых (наряду с античным) антагонистических обществ. Само понятие «азиатский способ производства» появилось в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса для обозначения примитивного раннегосударственного общественно-государственной системы сельских общин», основанного на противостоянии государства-класса и класса подданных³. Он возникает в процессе разложения первобытнообщинного строя, исторически и логически предшествуя рабовладельческому строю и феодализму. Уже в эпоху древнего мира формируется качественное различие между Европой, где почти не было «азиатских» институтов, и другими раннеклассовыми цивилизациями. Оно устойчиво сохраняется и в средние века.

Цивилизация России формировалась и развивалась «на стыке» европейских (в ту эпоху – феодальных) и азиатских обществ, испытывая институциональное влияние с обеих сторон. Российская цивилизация является промежуточной между цивилизациями Запада (основанными на институтах частной собственности) и Востока (основанными на власти-собственности). Она противоречиво соединяет черты «отсталой Европы» и «передовой Азии».

³ Обзор дискуссий об азиатском способе производства см. [Нуреев 1979] Термин «азиатский способ производства» используется в дискуссии по инерции, хотя давно признано, что общества этой формации были не только в доколониальной Азии, но и в доколониальной Африке (Египет, Сонгай, Эфиопия, Бенин и др.), в доколумбовой Америке (государства майя, ацтеков, инков) и на островах Океании.

Российская цивилизация имеет высокую степень гетерогенности (неоднородности) – заметно более высокую, чем другие цивилизации. Возможно, это связано с изначальной высокой этнической смешанностью населения русских земель, где кроме славян жили финно-угорские племена. Наиболее общими объединяющими факторами являются русский язык, кириллическая письменность и православная культурная традиция. В то же время на протяжении почти всей истории российской цивилизации ее периферийными элементами были регионы с иными религиозно-культурными традициями (католицизм на западе, ислам на востоке), к которым проявлялась высокая (по европейским меркам) степень толерантности. Претензия православия на абсолютную идеологическую власть никогда не приводила к религиозным войнам.

Развитие российской цивилизации (IX–XXI вв.) можно описать как колебание между провосточным (более сильным) и прозападным векторами развития. Постоянное противоборство этих тенденций проявляется в форме непрерывных конфликтов с внешними агрессорами и между разными русскими государствами. Доминирование восточных институтов объясняется, видимо, в первую очередь необходимостью постоянно отражать внешнюю агрессию, угрожающую самому существованию российской «пограничной» цивилизации.

Российская цивилизация на начальной фазе своего развития (IX–XVI вв.) развивалась под влиянием активного экспорта институтов из соседних политически сильных государств восточного типа (Византии, Золотой Орды, Турции). Экспорт институтов из западных стран начался только с XVII в. и всегда осложнялся зависимостью от предшествовавшего развития, поскольку в период своего формирования Россия строила свою самоидентификацию на противопоставлении, скорее, Западу, чем Востоку.

В развитии российской цивилизации следует выделить 6 этапов.

1. Киевская Русь (IX–XIII вв.) воспринималась современниками как одна из европейских стран, качественно от них не отличающаяся. Это проявляется, в частности, в династических браках ранних Рюриковичей с правителями многих стран Европы (эта практика возобновилась затем только в XVIII в.). Появившиеся уже в этот период проявления специфики России (прежде всего, слабость институтов частной собственности)⁴ еще не слишком «бросались в глаза», поскольку и Западная Европа в этот период не завершила становление своей институциональной системы.

2. В период татарского завоевания (XIII–XV вв.) происходит раскол российской цивилизации. Подвластные Золотой Орде восточные земли подверглись сильной ориентализации. В то же время западные русские земли (Великое княжество Литовское и Господин Великий Новгород) оставались периферией Европы.

3. Эпоха Московского царства (XVI–XVII вв.) стала периодом активного противоборства четырех моделей российской государственности (московской, новгородской, литовской и казацкой). Их институциональная конкуренция закончилась полной победой ориентализированной московской модели и постепенным угасанием альтернативных моделей.

⁴ Два очень важных институциональных сдвига, которые прошли в Западной Европе в XI–XII вв., – коммунальная революция (становление городского самоуправления) и «папская революция» (возрождение римского права) – оба были пропущены зарождающейся российской цивилизацией уже в домонгольский период.

4. Российская империя (XVIII–XIX вв.) является ярким примером догоняющего развития. Выборочный импорт западных институтов позволил постепенно снизить разрыв между Россией и Европой, но даже к концу петербургского периода Россия не считалась в полной мере европейской страной.

5. Советская эпоха (XX в.) стала периодом контрмодернизации. Стремясь ликвидировать технологическое отставание Советской России, партийное руководство целенаправленно возрождало институты власти-собственности, трактуя их как строительство передового коммунистического общества.

6. В постсоветский период российская цивилизация раскололась на три самостоятельных государства (Россия, Украина и Беларусь), каждое из которых демонстрирует особое динамичное сочетание восточных и прозападных тенденций институционального развития. Ни одно из них до сих пор не завершило выбора устойчивого пути развития национальной экономики, поэтому в настоящее время российская цивилизация еще не вышла из точки бифуркации на путь аттрактора.

Итак, предлагаемая нами интерпретация экономической истории российской цивилизации основана на противопоставлении институтов власти-собственности и частной собственности. Объясним это более подробно.

Дискуссия об азиатском способе производства в средневековой России

В средневековой России, в отличие от стран Запада, исторически сложился тип общественной системы, для которого характерны «перевернутые» отношения собственности и власти, в основе которого лежит эффективность власти, а не эффективность собственности [Голенкова 1997].

Россия, как и страны Востока, принадлежит к тем странам, где институциональные рамки хозяйственной деятельности в решающей степени задаются именно государством, а не самоорганизацией гражданского общества. На этом основании некоторые обществоведы делают вывод, что хотя Россия географически является европейской страной, но ее модель социально-экономического развития – это типичный для доиндустриального Востока *азиатский способ производства* («восточный деспотизм»).

Вопрос о том, насколько правомерно использовать для характеристики общественного строя средневековой России теорию азиатского способа производства, обсуждался на протяжении всего XX в., однако научная дискуссия по этой проблеме далека от завершения.

Основоположники марксизма не применяли понятия «азиатский способ производства» по отношению к России, но среди дореволюционных обществоведов идея об азиатском, нефеодалном характере средневековой России пользовалась довольно высокой популярностью. Можно вспомнить хотя бы полемику между российскими марксистами, когда в 1906 г. Г.В. Плеханов определил допетровскую Россию как «московское издание экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий» [Плеханов 1926, с. 31].

В советский период подобная интерпретация российской истории стала в самой России заведомо невозможной. Действительно, как можно говорить о социалистической революции, если в России не было ни «нормального» капитализма, ни даже «нормального» феодализма?! Характерно, что в разгар знаменитых дискуссий советских историков в конце 1920-х гг. об азиатском способе производства вопросы русской истории подчеркнута не затрагивались. Тем невозможнее оказалась постановка вопроса о нефеодалном характере русского средневековья в 1930–1970-е гг., когда даже само понятие «азиатский способ производства» рассматривалось советскими историками-ортодоксами как довольно сомнительное. Основой для официальной интерпретации всего русского средневековья стала сформулированная еще до революции концепция «феодализма в России» Н.П. Павлова-Сильванского, утверждающая аналогичность Руси средневековому феодализму Западной Европы⁵. Те советские историки, кто осмеливался подвергать сомнению «русский феодализм» (как, например, И.Я. Фроянов в концепции древнерусских «городов-государств»), ограничивались утверждениями о «дофеодалном» характере средневековой Руси, не рискуя уточнять, а что же все-таки предшествовало русскому феодализму.

Будучи запрещенной в СССР, «азиатская» интерпретация российского средневековья получила широкое распространение за рубежом, где активно использовалась для объяснений коренных отличий российского/советского пути развития от западного. Этот подход стал популярен среди западных советологов благодаря, прежде всего, концепциям «восточного деспотизма» К.-А. Виттфогеля [*Wittfogel* 1957] и «вотчинного государства» Р. Пайпса [*Пайнс* 1993; *Пайнс* 2000].

Среди отечественных обществоведов открытое признание нефеодалного, «азиатского» характера российского средневекового общества стало получать распространение лишь в 1990-е гг. В постсоветский период сомнения в феодальной интерпретации средневековой истории России открыто высказываются даже в учебной литературе⁶. Правда, марксистская концепция азиатского способа производства считается «немодной», ее идеи возрождаются чаще всего под иными названиями. Можно вспомнить хотя бы теорию раздаточной экономики О.Э. Бессоновой [*Бессонова* 1997] (*рисунки* 2), согласно которой главной тенденцией экономической истории России является усиление институтов раздатка-реципрокности. В то же время в волнообразных колебаниях усиления/ослабления этих институтов можно выделить периоды доминирования отношений квазифеодализма-квазикапитализма-квазирынка, схожих с частнособственническими системами Запада.

⁵ Интересно, что сам Н.П. Павлов-Сильванский отнюдь не считал свою концепцию «универсальной отмычкой», пригодной для объяснения всего русского средневековья: «Я в своих работах, – писал он, – имел в виду удельную Русь XIII–XV столетий с ее феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю» [*Павлов-Сильванский* 1988, с. 482]. Конечно, советские марксисты-ортодоксы этих оговорок во внимание не принимали. Окончательная канонизация концепции русского средневекового феодализма связана с трудами Б.Д. Грекова. Впрочем, применительно к Киевской Руси точка зрения о «государственно-феодалном» общественном строе (государственный феодализм – фактически один из синонимов азиатского способа производства) возродилась в работах Л.В. Черепнина 1950-х гг. и уже в советское время стала доминирующей.

⁶ «Российский феодализм – это какой-то фантом. Он вроде бы есть, и в то же время его нет» [*Гусейнов* 1999, с. 69]. См. обзор проблемы «русского феодализма» [*Ивонин* 2011].

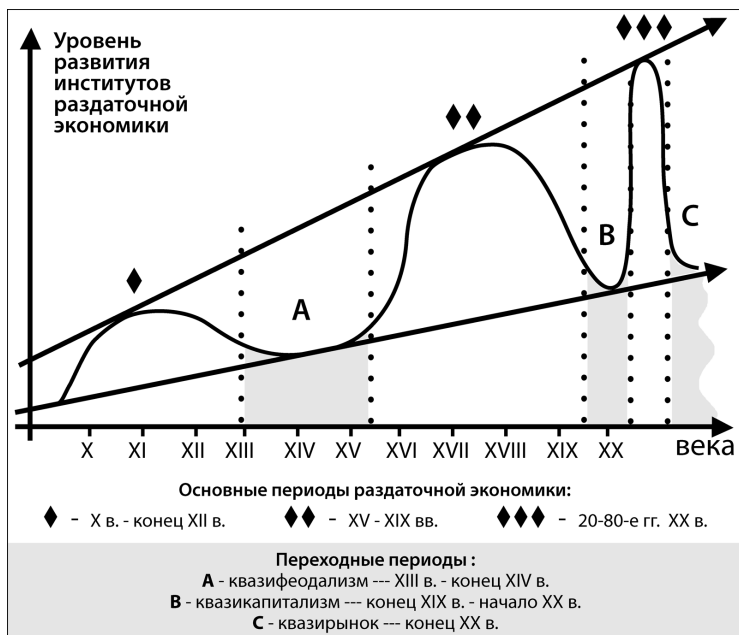

Рисунок 2. Институциональные циклы в развитии раздаточной экономики России (по О.Э. Бессоновой)

На современном этапе развития теории экономических систем еще нельзя дать окончательный ответ на вопрос, был ли в России при «старом режиме» азиатский способ производства с элементами феодального уклада или все же феодализм с элементами восточного деспотизма. Для решения этой проблемы надо сначала научиться разграничивать цивилизационные и формационные экономические системы, а также создать теорию многоукладности, позволяющей различать сосуществующие в одной цивилизации элементы разных формаций. Однако уже сейчас следует подчеркнуть тот несомненный факт, что в социально-экономическом строе средневековой России существовала мощная азиатская традиция, органически связанная с институтом власти-собственности.

Монополизация государством функций в общественном разделении труда как основа развития власти-собственности в средневековой России

Власть-собственность как основная характеристика «восточного деспотизма» — это нерасчлененное единство властных и собственнических функций. Речь идет о таких «правилах игры», когда политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью, а собственность органически подразумевает наличие политического авторитета.

Этот институт возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство

основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже⁷.

Формы монополизации государством-классом функций в общественном разделении труда могут быть различны (рисунки 3):

- монополизация функций распределения совместно произведенного продукта или его части;
- монополизация сферы обмена в условиях, когда общество постоянно нуждается в отсутствующих или недостающих факторах производства или средствах существования;
- монополизация условий производства (инфраструктуры, накопленного производственного опыта, знаний, защиты и т. п.);
- монополизация функций контроля и управления общественным производством или отдельными его отраслями.

Рисунок 3. Монополизации государством общественно-полезных функций как основа власти-собственности при азиатском способе производства

Составлено по: [Нуреев 1991, с. 55]

В России главной общественно-полезной функцией, которую монополизировало государство, была *защита от внешней агрессии*. Эта ситуация – разновидность монополизации условий производства и воспроизводства. Оборона является общественным благом, которое может быть обеспечено только государством. В одних странах эта функция государства относительно второстепенна (как для средневековой Англии, которая после XI в. практически никогда не подвергалась внешней агрессии), в других она подавляет все остальные функции государства (именно так произошло в средневековой России).

Русские земли оказались с XIII в. своеобразным «буфером» между цивилизациями Востока и Запада. В результате долгое время не только производство,

⁷ Подробнее о власти-собственности как институте азиатского способа производства см., например [Васильев 1982].

но и элементарное выживание рождающейся российской цивилизации требовали противодействия агрессивному натиску как с востока (хазары, печенеги, половцы, татары, турки), так и с запада (крестоносцы, литовцы, поляки, шведы). Примерно с XVI в. Россия, едва объединившись, сама начала проводить агрессивную внешнюю политику, в результате чего войны стали еще более частыми. По подсчетам С. Соловьева, основанным на данных летописей, если в домонгольский период военные нападения на Русь происходили примерно раз в 4 года, то в период 1240–1462 гг. – почти каждый год (200 нашествий за 222 года). Н.Н. Сухотин дополнил эту оценку, указав, что за 1368–1893 гг. в среднем на 2 года войн в России приходился 1 мирный год (353 лет войны за 525 лет) [Никольский 1928].

И при обороне от агрессивных соседей, и при агрессии против них военные расходы ложились на россиян тяжелым грузом, укрепляя доминирование государства над обществом. Статистика показывает [Город в процессах исторических переходов 2001, с. 173], что в имперскую эпоху, с XVIII в., военные расходы в российском госбюджете хотя и имели тенденцию к снижению, но редко когда опускались ниже 30%. В доимперскую эпоху армия «заедала казну» еще сильнее⁸. Поэтому если общества «настоящего» азиатского способа производства (Египет, Китай или государство инков) можно называть, по К.-А. Виттфогелю, «гидравлическими обществами», то Россия — это военное общество, спаянное духом боевого коллективизма⁹.

Наряду с монополизацией функции обороны от внешней агрессии российское государство проявляло и другие черты монополизма, типичного для азиатского строя (*рисунок 4*).

Например, забота об армии неизбежно вела к *государственному контролю над производством оружия* (оружейных дел мастера работали в значительной степени по государственным заказам). Содержание армии и страхование от неурожая требовали создания сильной системы *централизованного перераспределения доходов – государственных налоговых сборов и раздач* (земли служивым людям, хлеба при неурожаяе). Чтобы добыть средства на армию, Московское государство вводило *казенные монополии на дефицитные продукты*. Наиболее известна возникшая с 1530-х гг. государственная монополия на производство и торговлю спиртными напитками (водкой), высокое потребление которых является в России давней традицией («веселие Руси ести пити»). В XVII–XVIII вв. осуществлялось государственное регулирование цен посредством установления казенных монополий на смолу, клей, соль, табак, мел, деготь, рыбий жир, дубовые гробы. Есть мнение, что и хлебные цены (по крайней мере, в XVII в.) также были не рыночными, а государственно регулируемыми [Ключевский 1989, т. 8, с. 68].

Однако все эти формы государственного монополизма производны от главной монополии – монополии Русского государства на защиту.

⁸ В самой первой известной ученым полной бюджетной росписи доходов и расходов Московского государства, относящейся к 1680 г., военные расходы составляли 62%.

⁹ Военное дело не только стояло тогда на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало собою последнее» [Ключевский 1991, с. 63].

Рисунок 4. Монополизации Московским государством общественно-полезных функций как основа власти-собственности

Ограниченность частновладельческих прав в средневековой России

В обществах «нормального» азиатского способа производства необходимость коллективного труда для создания условий производства мешала появлению и развитию частной собственности, ограничивала процесс социальной дифференциации. Российская милитаризация вела к результатам вполне аналогичным.

Незавершенность процессов классового образования при «азиатском деспотизме» проявлялась, в частности, в *непосредственном совпадении верхнего слоя класса землевладельцев с государством*. Собственники факторов производства, с одной стороны, и бюрократическая и военная машина, с другой, образовали в этом обществе нерасчлененное целое. Не экономическая сфера определяла политическую, а политическая экономическую.

Специфика правящего сословия в обществах Востока обуславливала и специфику отношений *рентно-налоговой эксплуатации*. Рента в виде налога платилась не частным собственникам, а государству, которое в лице правителя распределяло его между «служилыми людьми» — бюрократическим аппаратом и армией (рисунок 5). Экономической основой присвоения ренты-налога служила верховная государственная собственность на землю. При этом не имело принципиального значения, платят ли крестьяне подати сначала в казну, а потом казна выдает жалованье «служивым людям» (такая система требует либо развитого денежного хозяйства, либо перевозок большого количества натурпродуктов), или же государь жалует «служилым людям» земли, чтобы они непосредственно получали от крестьян полагающееся содержание.

Что касается отношений собственности на землю как на основное средство производства, то при азиатском строе *собственность является иерархической*

(«слоеной», перекрестной) и коллективной. Как и при феодализме, право собственности распадается, упрощенно говоря, на право пользования для крестьянина, право владения для пожалованного правителем землевладельца и право распоряжения у верховного правителя. Однако для азиатского строя характерно, что субъектами элементов пучка прав собственности выступают не люди, а коллективы (крестьянская община, каста или клан землевладельцев, правящая династия). Самое главное, на Востоке право землевладельца сильно подавлено властью правителя.

Рисунок 5. Движение ренты-налога в системе власти-собственности

В России ситуация была во многом аналогичной. И в Киевской Руси, и в Московском государстве, и в Российской империи землевладелец, как правило, был служилым человеком — военным либо гражданским, владевшим вотчиной или поместьем в качестве своеобразного «кормления» за «государеву службу». Благополучие представителей господствующего класса гораздо сильнее зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице, чем от унаследованного и приобретенного имущества.

Частное землевладение в России развивается главным образом сверху: центральное правительство предоставляло право сбора доходов с определенных территорий тем или иным представителям господствующего класса — либо с правом передачи по наследству (вотчины), либо на время личной службы (поместья). Подобные пожалования чаще всего были временными и условными: даже если землевладение считалось наследственным (вотчинным), государь мог его отнять и обязательно требовал от вотчинника службы. Если какой-нибудь французский д'Артаньян мог выбирать, служить ли ему королю или просто вести частное хозяйство в родовой усадьбе, то его российский современник-дворянин не мог не служить.

Государство нередко перераспределяло землевладения (отнимало у опальных, добавляло фаворитам) или просто заменяло одно владение другим. Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на «государеву службу». Естественно, что «служилые люди» стремились превратить свои должностные владения (поместья), которыми они нередко пользовались из

поколения в поколение, в более полную собственность (вотчину). Самодержавная власть, наоборот, старалась сдерживать рост числа вотчин, поскольку вотчинники были несколько менее зависимы от произвола правителя, чем помещики, либо уменьшить права вотчинников. Это «перетягивание каната» вело к расширению частновладельческих прав в периоды ослабления центральной власти, но новое усиление централизации вызывало возрождение государственной собственности.

Из-за высокой географической и социальной мобильности землевладельцев в Московии в принципе не могло возникнуть, как в Западной Европе, феодальных замков. Действительно, какие-нибудь герцоги Бургундские во Франции или князья Радзивиллы в Речи Посполитой могли владеть родовыми замками на протяжении нескольких столетий. В Московии же даже в эпоху раннего нового времени за столетие фамильный состав владельцев имений в уезде почти полностью обновлялся (сегодня служишь здесь, а завтра посылают за тридевять земель)¹⁰. Поэтому границу «нормального» феодализма можно довольно точно проследить по географии расположения сохранившихся до наших дней родовых замков крупных землевладельцев: они встречаются на землях Западной Украины и Западной Белоруссии, ранее входивших в основном в Речь Посполитую, а восточнее, на территории бывшей Московии, их уже нет.

Таблица 1. Сравнение вотчин и поместий как форм служебного землевладения в средневековом Московском государстве

Критерии сравнения	ВОТЧИНЫ	ПОМЕСТЬЯ
Определение	Родовое наследуемое владение	Личное временное владение
Время возникновения	Со времен Киевской Руси	С начала XIV в. (массовое распространение – с конца XV в.)
Условия владения	«Государева служба»	
Права отчуждения	Права ограничены государством (запрещается делать вклад в монастырь) и родичами (запрещается продавать без согласия родственников)	Отчуждение запрещено; после прекращения службы, если сын помещика не служит, имение забирается «в казну»
Налоговый иммунитет	Государство стремится собирать налоги и с частновладельческих крестьян, но может предоставлять льготы отдельным землевладельцам	
Западноевропейские аналоги	Аллод/феод – полная безусловная собственность владельца. Однако в отличие от владельца феодального аллода вотчинник XVI–XVIII вв. обязан служить	Бенефиций – условное владение за службу без права отчуждения, полученное от вышестоящего феодала. Однако в отличие от владельца феодального бенефиция помещик получает имение всегда непосредственно от правителя
Степень заинтересованности землевладельца в поддержке крестьянских хозяйств своего имения	Более высокая	Более низкая

Хотя вотчины и поместья имели многие различия (таблица 1), их все же следует рассматривать как две разновидности служебного землевладения, далекого даже

¹⁰ Исследование «феодального» землевладения по Дмитровскому уезду (Центральное Нечерноземье) показало, что за время между 20–40-ми гг. XVII в. и второй половиной XVIII в. лишь 6% владений целиком сохранились за представителями одной и той же дворянской фамилии [Хитров 2004. с. 100].

от феодальной частной собственности. Поэтому, когда в 1714 г. Петр I издал указ об уравнении поместья с вотчиной, это хотя и было шагом по пути развития частнособственнических начал, однако не очень большим. Признав наследственность дворянского землевладения, государство оставило за собой право в случае опалы отнимать у провинившегося и свободу, и имущество. Вплоть до конца XVIII в. в России *не существовало надежной гарантии частной собственности* – ни царь, ни представители правящего сословия по-прежнему не видели разницы между личным имуществом и собственностью государства. Даже представители высшей элиты, попав в опалу, могли лишиться всего своего имущества (вспомним хотя бы судьбу фаворита Петра I Александра Меншикова). Лишь в 1762 г. появился Указ Петра III о вольности дворянства, освободивший землевладельцев от обязательной государственной службы.

Широкая «свобода рук» правителя Московии в отношении имущества своих подданных привела к своеобразному *парадоксу отношений собственности*. С одной стороны, поскольку собственно государственная собственность («черные» земли) никогда в досоветской России не была господствующей, то формально ситуация напоминала западноевропейский феодализм, где относительно небольшой домен правящей династии многократно уступал владениям светских и церковных феодалов. С другой стороны, влияние государства на землевладение вплоть до XIX в. было в России абсолютно доминирующим. Это достигалось благодаря монополии на отправление верховных административно-хозяйственных функций, присвоению значительной части производимого помещичьими и вотчинными крестьянами продукта, контролю за владениями православной церкви, регулированию хозяйственной жизни и т. д. Таким образом, в средневековой России частные хозяйства «служилых людей», поместья и вотчины, имели подчиненный характер¹¹ и не могли сколько-нибудь существенно подорвать верховную собственность государства на землю. Тем более ее не могли подорвать семейные крестьянские хозяйства, подчиненные общине.

В средневековом российском обществе, в котором не существовало надежной гарантии частной собственности, незнатные чиновники (дьяки, подьячие) занимали особое место. Представители государственной власти имели не только прямые, служебные, но и общепринятые косвенные доходы («почести», «посулы») от выполняемых ими должностных функций¹². В условиях разрастающегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля над деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью, которые воспринимались как повседневная норма («Жалует царь, да не жалует псарь»).

¹¹ Эта особенность поземельных отношений в России лаконично передана уже в начале XVIII в. первым российским экономистом-теоретиком И.Т. Посошковым: «...Земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная...» [Посошков 2001, с. 365]. Любопытно, что в отечественной литературе принято причислять Посошкова к меркантилистам (и даже подчеркивать, что он выше западных меркантилистов), в то время как на параллели его идей с восточной литературой о государственном хозяйстве (типа «Гуань-цзы», «Артхашастры» и «Сиясет-наме») никто внимания не обращал.

¹² Исследователи отмечают, например, что у дьяков и подьячих приказов XVII в. подношения от челобитчиков превышали годовые денежные оклады не менее чем в 5–10 раз [Седов 1996, с. 143].

Таблица 2. Сравнение отношений власти и собственности в доиндустриальных обществах

Характеристики правящего класса	Власть-собственность при «восточном деспотизме»	Вотчинно-помещичья система Московской Руси	Феодалная система вассальных отношений в Западной Европе
Отношения личной зависимости	Внедоговорные (министералитет)	Внедоговорные (холопство)	Договорные (вассалитет)
Наследование прав собственности	Только при наследовании служебных функций	Только при наследовании служебных функций	От отца к старшему сыну (майорат)
Защита прав собственности	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали и по вертикали
Порядок назначения на должности	В соответствии с личными заслугами перед правителем	В соответствии с заслугами предков перед правящей династией (местничество)	В соответствии с личными заслугами перед правителем
Характер власти верховного правителя	Деспотический	Самодержавный (земские соборы являются, скорее, собранием экспертов, чем сословным парламентом)	Власть верховного правителя ограничена крупными феодалами и сословным парламентом

Перед всемогущим бюрократическим аппаратом на Востоке пресмыкались и раболепствовали не только нижние чины, но и представители элиты. Это общество не знало свободной личности – в Московском государстве даже бояре называли себя холопами, обращаясь к царю¹³. То, что это не было лишь речевым этикетом, доказывается практикой унижительных телесных наказаний для провинившихся «феодалов»¹⁴.

В *таблице 2* показаны черты сходства и отличия российской вотчинно-помещичьей системы отношений в сравнении с азиатской властью-собственностью и западной вассально-феодалной системой. Хорошо заметно, что средневековая Московия была ближе к Востоку, чем к Западу.

Производственная среда российской цивилизации

Попробуем теперь объяснить, почему в развитии российской цивилизации стали доминировать институты восточного типа. На наш взгляд, главная причина – особенности системы экономических ресурсов, производственной среды России XIII–XVII вв.

¹³ Вспомним хрестоматийное высказывание Ивана IV: «Жаловать есмь своих холопов вольны, а и казнить вольны же» [Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским 1979, с. 26]. Для сравнения можно вспомнить английскую Великую хартию вольностей: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона... и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны».

¹⁴ Приведем лишь одно типичное свидетельство: в 1488 г. были наказаны «в торгу кнутьем» Чудовский архимандрит и князь Ухтомский «про то, что зделали грамоту на землю», будто бы пожалованную Спасову монастырю вологодским князем [Введенский 1933, с. 106]. Подделывать документы хорошо умели, конечно, и в средневековой Западной Европе (вспомним хотя бы «Константинов дар»). Но можно ли представить, чтобы, например, Людовик XI (весьма деспотичный по западным меркам правитель), обнаружив подобную махинацию, приказал публично высечь аббата Клуни и герцога Бургундского в придачу?!

Общая типология экономических ресурсов

Чтобы дать характеристику производственной среды российской цивилизации, рассмотрим сначала самую общую типологию экономических ресурсов (производительных сил) как таковых.

В качестве основы этой типологии целесообразно использовать концепцию трех основных типов производительных сил – естественных, общественных и всеобщих¹⁵. Эту концепцию можно рассматривать как постмарксистскую, поскольку она соединяет идеи неортодоксального марксизма с современными институциональными концепциями постиндустриального общества.

Согласно этой концепции, самая общая типологизация ресурсов производится по критерию их происхождения (т.е. по тому, кем созданы эти ресурсы):

- естественные ресурсы изначально даны природой;
- общественные ресурсы создаются индивидом и/или локальными коллективами (общиной, фирмой);
- всеобщие ресурсы создаются крупными коллективами (государством, человечеством в целом).

Сразу следует оговорить, что грань между этими тремя типами ресурсов (производительных сил) довольно относительна, не абсолютна. Три типа ресурсов образуют перекрещивающиеся множества, поскольку существуют объекты, которые можно отнести в той или иной степени сразу к двум или даже ко всем трем типам.

Например, важным фактором развития аграрной экономики является естественный температурный режим. Однако, если верны концепции глобального потепления как результата «озоновой дыры», то температура окружающей среды постепенно становится результатом деятельности людей, частично превращаясь из естественного во всеобщий ресурс¹⁶. А чем является Суэцкий канал? Изначально (в XIX в.) он был результатом строительства, организованного крупным транснациональным акционерным обществом. Но строительство этого канала было бы невозможным без благоприятных условий, сделавших возможным соединение Красного и Средиземного моря через узкую перемычку. А события арабо-израильских войн второй половины XX в. показали, что для функционирования Суэцкого канала мировое сообщество должно приложить недюжинные усилия, чтобы сдерживать конфликт на Ближнем Востоке. Следовательно, этот канал можно отнести ко всем трем типам производительных сил.

Первые два типа ресурсов можно дополнительно разделить на два вида в зависимости от того, являются ли ресурсы субъективными (не отделимыми от личности человека) или же объективными (выступающими как некое внешнее условие человеческой деятельности). В результате мы получаем пять разновидностей ресурсов (*таблица 3*).

¹⁵ Эта концепция была сформулирована в самые последние годы существования советской экономической науки и изложена в мелкотиражном издании, вышедшем в периферийном издательстве [Нуреев 1989].

¹⁶ В экономической теории эта проблема давно рассматривается в контексте анализа постепенного превращения естественного плодородия в искусственное плодородие.

Таблица 3. Типология экономических ресурсов (производительных сил)

Типы ресурсов по их происхождению	Виды ресурсов по их принадлежности	Типы капитала как формы ресурсов	Общие экономические теории, посвященные анализу ресурсов	Теории экономической истории, посвященные историческому анализу развития ресурсов
Естественные (первоначально данные природой)	<i>Субъективные</i> (природа самого человека) – «ТРУД»	Физиологический капитал	Теория рабочей силы К. Маркса	За рубежом – историческая демография (Р. Пирл), экономико-физиологическая история («поздний» Р. Фогель); в СССР и в России – Б. Урланис, Б. Миронов, С. Нефедов
	<i>Объективные</i> (окружающая природа) – «ЗЕМЛЯ»	Природный капитал	Концепции демографического и географического детерминизма: Т. Мальтус, И. Мечников, теории азиатского способа производства, А. Паршев	За рубежом – историческая климатология (Ле Руа Ладюри), в СССР и в России – социо-естественная история («ранний» Л. Гумилев, Э. Кульпин), Л. Милов
Общественные (созданные и используемые человеком или локальным коллективом)	<i>Субъективные</i> (знания и навыки) – «ИНФОРМАЦИЯ»	Человеческий капитал	Теория человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц)	История образования и здравоохранения
	<i>Объективные</i> (предметы и средства труда) – «КАПИТАЛЬ» (в традиционном смысле)	Вещественный (физический) капитал	Классическая политэкономия (А. Смит, Д. Риккардо и др.)	Этнография, история техники («ранний» Р. Фогель, П. Дэвид)
Всеобщие (созданные и используемые крупными сообществами)	<i>Субъективные</i> (институты и организации) – «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»	Социальный капитал	Новая немецкая историческая школа (М. Вебер, В. Зомбарт), институционализм (Т. Веблен, Р. Коуз), ордо-либерализм (В. Ойкен), теории социального капитала (Дж. Коулман, Р. Патнэм)	За рубежом – история формальных норм и правил (К. Поланьи, Д. Норт, И. Валлерстайн), история неформальной ментальности (М. Вебер, школа «Анналов»); в СССР и в России – Р. Нуреев, А. Гуревич

Эта типология удачно сопрягается с традиционным для «учебного экономика» набором пяти основных ресурсов:

1) «нечеловеческие» ресурсы:

– «земля» (= природный капитал) – естественно данные особенности окружающей среды (плодородие почвы, температурный режим, полезные ископаемые и др.);

– «капитал» (= вещественный/физический капитал) – объекты, искусственно созданные человеком или локальными группами людей (машины, здания, дороги и др.);

2) «человеческие» ресурсы:

– «труд» (= физиологический капитал) – способность индивида к экономической деятельности, данная ему при рождении;

– «информация» (= человеческий капитал) – способность индивида к экономической деятельности, полученная им благодаря личным усилиям по совершенствованию данного природой потенциала;

– «предпринимательство» (= социальный капитал), способность индивида к экономической деятельности, полученная благодаря общественным нормам, регулирующим взаимоотношения между людьми.

Изложенная система категорий экономических ресурсов носит одновременно и универсальный, и формационно-специфический характер. Все перечисленные

ресурсы существуют при любой социально-экономической системе, хотя для каждой из них типична своя специфическая комбинация основных ресурсов. Например, для обществ азиатского способа производства характерна комбинация естественных объективных ресурсов со всеобщими (организация общественных работ государством-классом); в капиталистическом обществе наиболее важны общественные объективные ресурсы и т.д. Однако капиталом – ценностью, приносящей денежный доход в процессе товарного производства, – все эти ресурсы являются только в условиях капиталистического общественного строя.

Наиболее стабильным фактором хозяйственной жизнедеятельности любого народа является, конечно, природно-географическая среда (объективные естественные производительные силы). Но и этот фактор не является константой. Рассмотрим сначала наиболее общие особенности производственной среды России, проявляющиеся и в наши дни, а затем историческую специфику этой среды в средневековую эпоху, когда происходило формирование российской цивилизации.

Мобилизационно-коммунальная среда российского земледелия

Хозяйственная жизнедеятельности россиян, которые вплоть до середины XX в. оставались в основном крестьянском сообществе, связана, прежде всего, с особенностями их земледельческого производства. Природно-географическую среду русского средневековья следует охарактеризовать как *мобилизационно-коммунальную*, то есть такую, которая создает ритмику производства и требует коллективных усилий под единым руководством (*рисунок 6*).

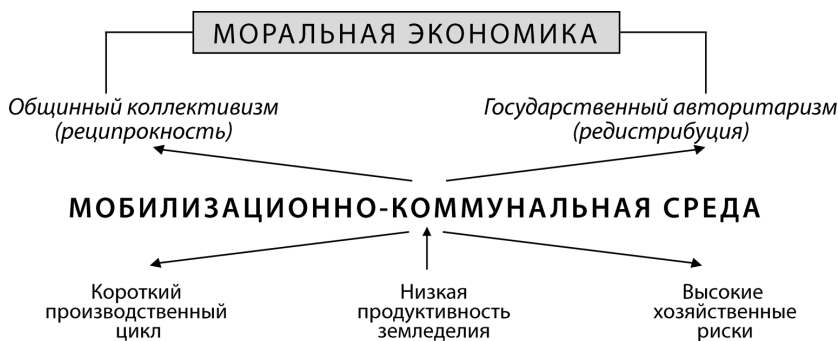

Рисунок 6. Мобилизационно-коммунальная среда в средневековой России

Хозяйственная культура российского/русского этноса формировалась в условиях *короткого производственного цикла*. Северный континентальный климат, короткое и холодное лето заставляли осуществлять главную, земледельческую деятельность в режиме не равномерного расходования сил, а импульсной мобилизации. Это значит, что в течение примерно 5 месяцев в году (с начала мая до начала октября) русский крестьянин трудился на пределе сил, а остальное время года вы-

нужденно оставался свободным. Для сравнения можно отметить, что в Западной Европе срок сельскохозяйственных работ был вдвое длиннее (не работали лишь в декабре и январе), воспитывая у земледельцев привычку к постоянному размеренному труду [Миров 1998, с. 554 и др.]¹⁷.

Следующей природно-географической особенностью, обусловившей специфику российской экономической культуры, является *низкая продуктивность земледелия, приводящая к существованию в режиме выживания*. Аритмичный труд на не слишком плодородных землях давал низкую отдачу: даже в эпоху нового времени урожайность зерновых не превышала сам-3 (три собранных зерна на одно посеянное)¹⁸. Между тем в Западной Европе уже в XVI в. нормой стали урожаи зерновых сам-5. Этот разрыв нельзя объяснить отставанием в агротехнике: по расчетам Л. Милова, если учитывать только природно-климатический фактор, абстрагируясь от различий труда и капитала, то чистый выход растительной биомассы в России все равно в среднем в 2–2,5 раза ниже, чем в Западной Европе [Миров 1995, с. 15]. Низкая продуктивность земледелия оставляла мало возможностей для накопления излишков, а, следовательно, для значительного социального расслоения.

Низкопродуктивное земледелие средневековой России явилось одной из причин слабого развития городов, которое в доиндустриальных обществах определяется масштабами аграрного прибавочного продукта. В свою очередь, слабое развитие городов, а, следовательно, слабое развитие ремесленно-промышленной деятельности, не дали развиваться (как в Западной Европе) «третьему сословию» с присущими ему ценностями индивидуализма. В XV в. в городах жила всего 0,1% населения Северо-Западной Руси [Аграрная история Северо-Западной Руси 1971, с. 324] (в менее урбанизированной Северо-Восточной Руси – еще меньше). Даже в конце XVII – начале XVIII вв. доля горожан составляла в России лишь примерно 4% (таблица 4). Это очень низкая степень урбанизированности по сравнению со странами как Запада, так и Востока. Для сравнения: долю горожан в населении средневековых стран Азии оценивают примерно в 20–25%, стран Западной Европы – примерно в 10%.

Таблица 4. Сословный состав населения России раннего нового времени, млн чел.

Основные группы населения	1678 г.	1719 г.
Податные Крестьяне Горожане	10,1 9,6 0,5	13,6 13,0 0,6
Неподатные (дворяне, армия, духовенство, чиновничество)	0,4	1,3
ВСЕГО	10,5	14,5

Источник: [Кабузан 2000, с. 143].

¹⁷ Влияние хозяйственной аритмии на экономическую ментальность россиян с замечательной лаконичностью отметил еще В.О. Ключевский: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии» [Ключевский 1956, т. I, с. 314].

¹⁸ К концу XVIII в. средние урожаи зерновых в Европейской России составляли всего порядка сам-3 или даже сам-2 [Миров 1998, с. 189].

Самое тяжелое заключалось в *высоких хозяйственных рисках* – урожаи были не только требующими аврального труда, не только низкими, но и весьма нестабильными. Авральность и низкая отдача сами по себе повышают рискованность хозяйственной деятельности. Но в России сбор урожая зависел не столько от количества и качества труда, сколько от трудно предсказуемых капризов погоды [Милов 1998, с. 411].

Данные о средней урожайности в России XIX–XX вв. демонстрируют очень высокую амплитуду – на протяжении нескольких лет она могла варьироваться двукратно и даже еще сильнее (см., например [Борисенков, Пасецкий 1988, с. 87]¹⁹). Можно ли эту тенденцию экстраполировать в прошлое? Для средневековой России, конечно, статистики урожайности нет. Однако о колебаниях сборов зерна можно составить примерное представление по отрывочной статистике хлебных цен. Так, данные за XVI в. показывают (рисунок 7), что всего за десятилетие сводный индекс цен на хлеб в Русском государстве мог варьироваться от 48 (урожайный 1562 г.) до 435 (катастрофически неурожайный 1571 г.). Очевидно, что и урожайность варьировалась со столь же высокой – едва ли не десятикратной! – амплитудой.

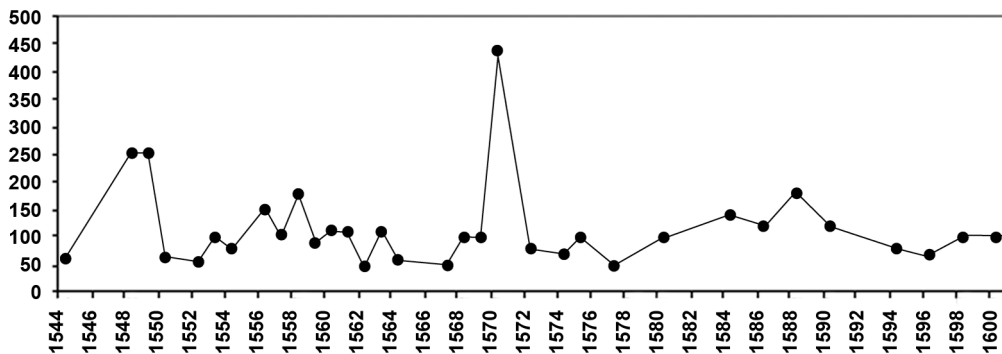

Рисунок 7. Колебания индекса хлебных цен в Московском государстве 1540–1590-х гг. (за 100 взят уровень цен 1600 г.)

Источник: [Маньков 1951, с. 41].

Слабая взаимосвязь между личным трудом и уровнем жизни сформировала фаталистические черты русского национального характера («От суммы да от тюрьмы не зарекайся»), ощущение невозможности улучшить жизнь собственным трудом («От трудов праведных не наживешь палат каменных»)²⁰.

Конечно, выживание в условиях высоких жизненных рисков требовало не только фаталистической надежды на «авось», но и создания механизмов хотя бы

¹⁹ Согласно оценке П.Н. Першина на основе статистических данных об урожаях 500 уездов европейской России в 1891–1915 гг., среднее соотношение максимума и минимума урожайности с единицы пашни составляло 2,014, но в ряде губерний – гораздо выше (например, в Самарской – 7,303, в Воронежской – 7,053, в Казанской – 5,667, в Пензенской – 4,503) [Першин 1961]. Для сравнения: в странах Западной Европы уровень колеблемости урожайности оценивают в диапазоне 1,36–1,44 [Российский цивилизационный космос 1999, с. 136].

²⁰ Фаталистические черты хозяйственной культуры прослеживаются даже в русском языке, в котором четко видны характеристики неагентивности – ощущения того, что людям неподвластна их собственная жизнь. В русском языке люди выступают скорее не как «деятели», а как «претерпеватели» [Кирилина 1999, с. 100].

частичной компенсации этих рисков. Доиндустриальные общества допускают развитие двух типов гашения последствий рисков:

1) объединение рисков путем замены шоковых потерь регулярными издержками – речь идет о сборе регулярных налогов, податей и сборов в пользу стоящих над индивидуальным домохозяйством инстанций (общины, землевладельца, государства), которые при наступлении «страхового случая» (голод, пожар, нашествие) обязаны помогать нуждающимся;

2) распределение рисков – деление последствий возможных потерь между членами некоего коллектива (общины, цеха, касты), объединенного стремлением противостоять единым для всех потенциальным опасностям.

Первый вариант предполагает создание стоящей над домохозяйством властной «вертикали», второй – растворение индивидуального домохозяйства в общинных коллективах. Именно эти черты, *государственный авторитаризм* и *общинный коллективизм*, стали императивом российской цивилизации.

Сильные перераспределительные механизмы внутри крестьянского социума могли базироваться только на уравнительных ценностях. Поэтому объективные условия хозяйственной деятельности российских крестьян обусловили длительное сохранение и даже периодическую регенерацию общинных форм организации социально-экономической жизни.

Важнейшими характеристиками общинных форм поведения являлась *реципрокация* при помощи многочисленных обычаев уравнительного перераспределения, таких как потlach (дарения излишков), помочи (совместная трудовая деятельность), «наряды миром», толоки, складчина. Реципрокный характер такого обмена означал, что обмен осуществлялся между равными, а получение помощи накладывало на получателя обязательство немедленно отозваться на призыв оказавшего ему помощь, когда последний будет в ней нуждаться.

Общинная реципрокность дополнялась государственной *редистрибуцией*: центральная власть имела право накладывать на всех подданных подати, чтобы использовать централизованные средства на общественно-полезные цели. Поскольку в ситуации высоких жизненных рисков расходы правителя не могли колебаться, за ним признавалось право собирать не только обычные, но и экстремальные поборы.

Таким образом, мобилизационно-коммунальный труд неизбежно вел к развитию «моральной экономики» сельской общины и государственного патернализма²¹. Как и в других «восточных» странах, российская «моральная экономика» культивировала представления о *человеке как принадлежности целого*, коллектива, и о *традиции как высшей ценности* в сравнении с новациями. Крестьянин подчинялся общине, община подчинялась землевладельцу, а землевладелец подчинялся государству. В результате попавший в нужду крестьянин мог рассчитывать на обязательную помощь своих односельчан и на патернализм «барина», а в случае особо тяжелых неурожаев – на государственную раздачу хлеба (как это было, на-

²¹ О принципах «моральной экономики», открытых впервые американским ученым Дж. Скоттом в странах Азии, см., например, брошюры А.И. Фурсова [Проблемы социальной истории крестьянства Азии 1986, с. 41 – 185; Проблемы социальной истории крестьянства Азии 1988].

пример, во время «великого годуновского голода» 1601–1603 гг.). Но едва трудолюбивый и удачливый землепашец начинал богатеть, как его достаток «срезался» государственными повинностями, поборами землевладельца и обязательствами помогать соседям по селу.

*Историческая специфика XIII–XVII вв.: «жизнь под саблей»
в малый ледниковый период*

Мобилизационно-коммунальный характер российского земледелия мог усиливаться или ослабевать в зависимости от обстоятельств исторической эпохи. Время формирования российской цивилизации – это как раз то время, когда *обычные риски хозяйственной деятельности в зоне рискованного земледелия оказались еще более взвинченными*. Тому было две причины: одна – социальная, другая – естественно-климатическая.

России «повезло» быть форпостом Европы на границе со Степью – миром кочевых племен, которые постоянно смотрели на оседлых земледельцев как на добычу. *Борьба с кочевниками* (печенегами, половцами, Золотой Ордой, Казанским и Крымским ханствами) длится на протяжении почти всей истории российской цивилизации, вплоть до XVIII в.

Средневековая Западная Европа тоже знала много разорительных войн (вспомним хотя бы Столетнюю и Тридцатилетнюю). Однако набеги кочевников-степняков качественно отличались от феодальных или королевских междоусобиц. Войны на Западе велись «оседлыми бандитами», которые желали расширить контролируемую ими территорию. Поэтому захватчики грабили крестьян и горожан, но не устраивали геноцида. Степняки же, будучи типичными «бандитами-гастролерами», вовсе не собирались оставаться в штурмуемых городах, потому при взятии городов их часто разоряли дотла, а горожан уводили в полон или уничтожали. Капитуляция в расчете, что победитель милостиво удовлетворится богатой контрибуцией, – эта типичная для средневековой Западной Европы ситуация запечатлена Роденом в «Гражданах Кале» – заведомо исключалась (что подтверждается, например, разорением сдавшейся Москвы Тохтамышем в 1382 г.).

Постоянное соседство со Степью столь же постоянно генерировало особые, смертоносные риски. Известно, что после монголо-татарского нашествия 1237–1240 гг. многие древнерусские города буквально исчезли с лица земли²². Сама столица Московии дважды подвергалась полному разорению, после чего ее при-

²² По археологическим данным, из 74 русских городов XII–XIII вв., известных по раскопкам, 49 (2/3!) были разорены Батыем, из них 14 городов (т.е. около 20% от их общего числа) уже не поднялись из пепла, а 15 (еще 20%) постепенно превратились в села. Но и после нашествия 1237–1241 гг. на русские земли приходили карательные экспедиции татар, выжигавшие все на своем пути. Так, в последнюю четверть XIII в. Орда провела не менее 15 крупных походов, в ходе которых многие города снова и снова разрушались (Переяславль-Залесский – четырежды, Муром, Суздаль, Рязань – по три раза, Владимир – дважды). По подсчетам А.А. Горского, в середине – второй половине XIII в. прекратили свое существование 83% укрепленных поселений Киевской земли (из них позже возродились лишь 22%), 81% – Переяславской земли (возродились 14%), 76% – Галицко-Волынских (возродились 31%) [Горский 2004, с. 202].

ходилось отстраивать практически заново, – в 1382 и в 1571 гг. Средневековые западноевропейские страны находились в схожем положении лишь в эпоху викингов, в раннее средневековье (VIII–X вв.). Средневековая же Россия постоянно жила «под саблей». «Войны жестокие катят, как волны морские...», писал в XVI в. Николай Гусовский, и эти волны захлестывали Россию на протяжении почти всей ее истории.

Для снижения смертоносных рисков набегов степных «бандитов-гастролеров» было необходимо централизованное государство, которое либо давало отпор налетчикам, либо откупалось от них. Чаще всего приходилось делать и то, и другое. Если Киевской Руси и Великому Княжеству Литовскому удавалось удерживать степняков в основном силой оружия, то Московское государство постоянно им платило дань.

До конца XV в. дань русских княжеств татарам была выражением вассальной зависимости от Орды. После «стояния на Угре» 1480 г. русские земли стали полностью самостоятельными, но у татарских государств оставалось еще достаточно сил, чтобы регулярно совершать грабительские набеги. Особенно «прославились» этим крымские татары: налеты на южные земли Украины (как части Великого княжества Литовского, позже – Речи Посполитой) и Московии стали основным источником дохода для Крымского ханства, превратившегося, по существу, в разбойничье государство.

Как и полагается «бандитам-гастролерам», татары во время набегов стремились забрать все, что только можно, включая и местных жителей, которых десятками тысяч обращали в рабство. Для правителей русских земель самым рациональным в этих условиях было выплачивать регулярную подать («выход» ханам Золотой Орды, «поминки» крымскому хану) за воздержание от набегов, выкупая тем самым защиту от разорения. Впрочем, это не защищало от мелких «самочинных» набегов, которые учащались по мере упадка Орды (с середины XIV в.).

Московское государство платило регулярную дань Крыму до 1685 г., последний грабительский набег крымских татар на Украину состоялся в 1769 г., и только при Екатерине II это разбойничье гнездо удалось окончательно ликвидировать. Лишь после этого исчезла Степь как фактор хозяйственных рисков и появилась возможность освоить плодородные степные черноземы.

Таким образом, татары Золотой Орды, а затем казанские и крымские татары попеременно выступали по отношению к москвитам и украинцам, в зависимости от политической конъюнктуры, то как «бандиты-гастролеры», то как «оседлые бандиты». В ситуации «жизни под саблей» на малоодоходное крестьянское хозяйство ложилось бремя содержать не только «свой» государственный аппарат, но еще и иноземцев. Возможности развития «третьего сословия» еще более ухудшались, зато росло княжеское/царское самовластье.

Другой специфический фактор хозяйственного развития средневековой России – это *малый ледниковый период XIV–XVIII вв.*

Историческая климатология доказывает, что природные условия не являются неизменными и их колебания могут стать одним из факторов заметных социально-экономических изменений в доиндустриальных обществах. Эти колебания слабее влияют на цивилизации с высоким запасом прочности (высокой нормой прибавоч-

ного продукта) и гораздо сильнее – на цивилизации рискованного агрохозяйства. Средневековая Россия относилась как раз ко второму типу.

XIII–XVIII вв. называют малым ледниковым периодом, поскольку во всем Старом Свете в это время наблюдалось общее понижение среднегодовой температуры. Главным негативным фактором было не само по себе похолодание на несколько градусов, а увеличение числа экстремальных метеорологических явлений (засух, наводнений, внезапных заморозков) [Борисенков, Пасецкий 1988, с. 503]. И без того нелегкие условия сельскохозяйственного производства в России стали в это время еще более тяжелыми.

Для понимания тяжести удара малого ледникового периода по российской цивилизации можно ограничиться перечислением событий, когда стихийные бедствия вызывали повальный мор: 1228–1230 гг. (некоторые историки считают, что этот голод опустошил Русь сильнее нашествия Батые), 1349–1353 гг. (пандемия «черной чумы», прошедшая по всей Европе), 1420–1423 гг., 1568–1571 гг., 1601–1603 гг. («великий годуновский голод», ставший одной из причин начала Смуты).

Таблица 5. Климатические бедствия в Англии и России XI–XVII вв.

Периоды	Англия		Россия	
	наводнения	засухи	наводнения	Засухи
Малый климатический оптимум				
1000 – 1099 гг.	1	1	2	1
1100 – 1199 гг.	3	1	1	1
1200 – 1299 гг.	5	2	5	1
Всего за XI – XIII вв.	9	4	8	3
Малый ледниковый период				
1300 – 1399 гг.	3	0	8	11
1400 – 1499 гг.	3	1	13	11
1500 – 1599 гг.	3	3	10	6
1600 – 1699 гг.	1	3	9	4
Всего за XIV – XVII вв.	10	7	40	32

Составлено по: [Борисенков, Пасецкий 1988, с. 57].

Очень красноречивой является статистика экстремальных явлений в средневековой России в сравнении с ситуацией в средневековой Англии (таблица 5). Если в XI–XIII вв. (период завершения малого климатического оптимума) общее количество засух и наводнений в обеих странах было практически одинаковым, то в XIV–XVII вв. Россия оставляет Англию далеко позади. В период позднего средневековья и раннего нового времени дождливые периоды в России наблюдаются в 4 раза чаще, чем в Англии, а засухи – чаще в 4,5 раза.

Важно отметить, что самые частые климатические экстремумы обрушились на Россию в раннее новое время: в XVI в. русские хроники отметили 48 голодных

лет, в XVII в. – 65 (в среднем два года из трех!). Именно тогда, когда в Западной Европе восходит «заря капитализма», экономика России оказалась в особенно тяжелых естественно-климатических условиях. Это стало одной из причин ее отставания, усиливая необходимый для элементарного выживания общинный коллективизм (именно в XVII в. и формируется сельская община с уравнительными переделами земли). Малый ледниковый период завершился в XIX в., поэтому тяжелые засухи 1921 и 1975 гг. воспринимались советскими людьми уже как редкое стихийное бедствие, а не регулярная закономерность.

Нашествия татар и малый ледниковый период зажали Северо-Восточную Россию XIV–XVII вв. в своеобразные клещи: похолодание особенно ухудшало условия аграрного производства в более северных широтах, а осваивать южные территории не давали татары.

Таким образом, коллективизм и авторитаризм, основные черты традиционной российской хозяйственной культуры, «впечатывались» в национальную ментальность не только *общими условиями мобилизационно-коммунальной среды*, но и *экстремальными* (в сравнениях с Западной Европой) *обстоятельствами* той эпохи средневековья, когда происходило формирование русского этноса. Все это способствовало развитию в средневековой России институтов своего рода «государственного способа производства».

Импорт институтов и институциональная конкуренция в средневековой России

Россия – окраина не только Запада, но и Востока. Здесь нет ирригационного земледелия, нет необходимости организовывать крупномасштабные общественные работы производственного назначения, как в странах «нормального» азиатского способа производства (Египет, Ближний Восток, Китай, империя инков). Хотя производственная среда российской цивилизации и создает предпосылки для «азиатского деспотизма», его развитие в России обусловлено не столь жестко и необходимо, как в странах «настоящего» Востока. Для понимания особенностей социально-экономического строя средневековой России надо помнить, что она стояла «на семи ветрах», подвергаясь влиянию как восточных, так и западных институтов. «Ветер» Востока одолевал в средние века «ветер» Запада хотя бы по тому, что сильные восточные страны были ближайшими соседями, а страны западной цивилизации заметно отдалены. Но в принципе были возможности и иного исхода.

Средневековая Россия испытала наиболее сильное влияние со стороны трех соседних стран-гегемонов – Византии, Золотой Орды и Турции. И каждый раз это влияние вело к импорту именно институтов «восточного деспотизма». В результате возникает «*эффект матрешки*»: подобно тому как «исконно русские» матрешки на самом деле начали изготавливать в России лишь в самом конце XIX в. по образцу японской куклы нингё, так и многие «исконно русские» социально-экономические институты отражают не столько самобытные институциональные

инновации, сколько влияние восточных соседей. Россия – это не только «третий Рим», но также «вторая Золотая Орда» и «параллельная Османская империя».

На развитие русской цивилизации изначально неизгладимый отпечаток наложило принятие христианства в его православной разновидности с характерными для *православной хозяйственной этики* низкими оценками мирского труда, обрядовым доверием и цезаризмом.

Хотя христианская доктрина признает в принципе ценность преобразовательного труда (и тем отличается, например, от буддизма, который видит в земной жизни одно лишь страдание), но сам этот труд рассматривается различными христианскими конфессиями существенно по-разному. В отличие не только от появившихся позднее протестантских вероисповеданий, но и от современного ей католицизма, восточно-христианская религиозная традиция рассматривала *труд как неприятную необходимость*, наказание человечеству за первородный грех. Русское православие не давало высших духовных санкций для активной работы в миру. Физический труд, производство потребительских благ, занял в православной культуре подчиненное место по сравнению с трудом духовным, молитвой²³. Сфера земного, материального благополучия котирировалась не высоко, материальный труд нигде не ставился в один ряд со спасением и терпением. Самоутверждение было направлено внутрь себя, на «устроение» собственной личности [Касьянова 1994, с. 118]. Подобные факторы обусловили «нерыночность» русского национального характера, преобладание этики выживания, отношение к накопительству и собственности как к отрицательным ценностям [Клопыжникова 1996, с. 103–106].

«Антиэкономизм» православия обусловил существование *бедности как типа культуры*. Русской культуре свойственно более терпимое и сочувственное, чем на Западе, отношение к неудачникам в хозяйственной деятельности, а сама по себе бедность не воспринималась как признак отверженности. Помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность русского христианина. Нищенство долго не воспринималось как экономическое бремя или девиация, а материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Таким образом, православное христианство при помощи этических норм закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины.

Другая отличительная особенность русского православия – его сосредоточенность не столько на содержании моральных заповедей, сколько на форме религиозных обрядов. Характерно, что если католические мыслители западноевропейского средневековья упорно занимались систематизацией теологии, сделав ее своего рода «религиозной наукой», то русское средневековое православие ничем в этом смысле себя не прославило. Более того, незнание «мудрствований» языческих философов служило объектом своеобразной гордости, считалось проявлением «чистоты» веры. В то время как западноевропейская Реформация XVI–XVII вв. проходила в яростных дискуссиях о свободе воли, о границах прерогатив духовной и светской власти, в Московии религиозный раскол XVII в. произошел по смехотворному (конечно,

²³ «В целом можно сказать, что православие призывает “молиться и трудиться”, в то время как формула католицизма – “трудиться и молиться”, а протестантизм убежден в том, что труд и есть молитва» [Коваль 1994, с. 59], см. также [Тюгашев 1998, с. 40-50].

с точки зрения европейца) разногласию о том, сколькими пальцами надо креститься и как надлежит произносить имя Бога. Подобное *обрядоверие* подавляло в человеке индивидуальное начало и склонность к новаторскому поиску, развивало вместо личного самоконтроля склонность бездумно следовать за массой, «быть как все».

Таким образом, русское православие культивировало *традиционализм* российской экономической культуры. «Традиционалистский» строй мышления выражается, в частности, в том, что человек не склонен заработать больше, он просто хочет жить так, как привык. Как отмечал еще М. Вебер, при затруднениях традиционалисты не меняют строй жизни, а сокращают потребности [Вебер 1990, с. 81–88].

Помимо склонности ценить религиозный обряд выше религиозной мысли Россия унаследовала от Византии и такую малопривлекательную черту, как *цезаризм* – преклонение духовной власти перед светской.

Если в Западной Европе римские папы на протяжении всей средневековой эпохи рассматривали свою власть как во многом конкурентную по отношению к власти королей и императоров, то в Византии базилиевсы с оппозицией патриархов почти не сталкивались. В средневековой России церковь тоже всегда занимала позицию помощника централизованной власти, а не оппозиционного центра власти (патриарх Никон стал единственным исключением, а его быстрое низвержение лишь подтвердило правило). Позже, уже в эпоху нового времени, цезаризм православия дошел до такой степени, какая была немыслима даже в Византии: в XVIII в. священники были обязаны доносить светским властям об исповедях своих прихожан; земли церкви были секуляризованы, а священнослужители превращены в государственных чиновников на жаловании, и это не вызвало среди них сколько-нибудь заметного протеста. В результате церковь окончательно превратилась из института, конкурентного по отношению к государству, в институт, целиком и полностью ему подчиненный.

Естественно, что русский вариант православия неразрывно связан с идеологией *государственного патернализма*, когда авторитет церкви ставится на службу интересам государства.

Итак, из воспринятого Россией византийского наследия главным стала традиция православия как «общинно-государственного христианства», культивирующего ценности государственного авторитаризма и общинного коллективизма (рисунок 8).

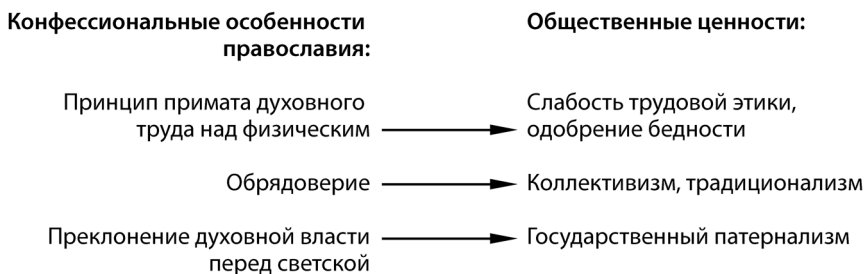

Рисунок 8. Православная этика как фактор формирования российской хозяйственной культуры

Византия, как и Россия, относилась к странам «буферного» типа, лежащих между Востоком и Западом, а потому противоречиво соединяющих институты их обоих. Однако с XIII в. главным «экспортером» институтов для России стали чисто восточные страны – сначала Золотая Орда, потом Турция (рисунок 9). Под их влиянием даже ранее усвоенные Россией византийские институты стали приобретать еще более ориентализированный характер. Это можно назвать «*эффектом шапки Мономаха*»: подобно тому, как в знаменитой реликвии русских самодержцев подозревают не наследие византийского императора, а подаренную в Золотой Орде тюрбетейку, так многие элементы институционального якобы-византийского наследия (например, самодержавие) отражают влияние не столько Византии, сколько стран Востока.

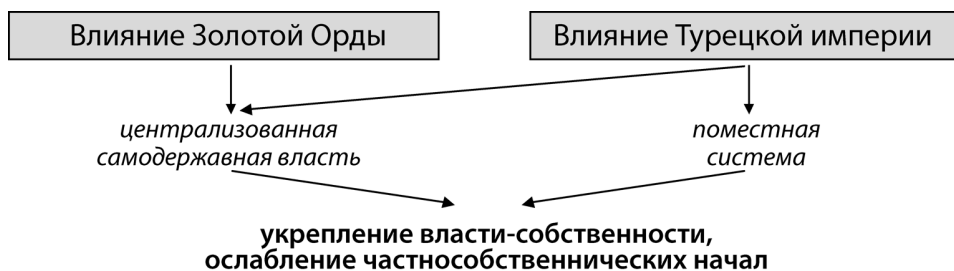

Рисунок 9. Институты «восточного деспотизма» как фактор формирования российской хозяйственной культуры

Сама по себе Золотая Орда, созданная кочевниками-тюрками, никаких институциональных инноваций не создавала. Административный аппарат империи Чингизхана комплектовался из китайцев и персов; поэтому Золотая Орда стала транслятором институтов «восточного деспотизма» стран Ближнего и Дальнего Востока, внедряемых принудительно, под угрозой оружия.

Главная институциональная инновация, пришедшая с Востока, – это, конечно, *централизованная самодержавная власть*. В Киевской Руси власть правителя оставалась сильно ограниченной вечевыми порядками, боярскими кланами, другими представителями правящей династии. На Востоке хан/император/султан стоял высоко над всеми, даже над своими близкими родственниками, являясь повелителем их жизни и смерти. «Все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать «Это мое или его», но все принадлежит императору, то есть все имущество, вьючный скот и люди», – писал Плано Карпини о власти-собственности в Монгольской империи [Карпини Джуованни дель Плано 1957, с. 45–46]. Такое понимание прерогатив высшей власти было постепенно усвоено и русскими князьями. Они прекратили выделять уделы своим многочисленным потомкам и тем самым дробить государство. Что касается старого боярства, успешшего во времена раздробленности Киевской Руси завоевать некоторую степень независимости от князей-Рюриковичей, то оно в Северо-Восточной Руси было почти полностью перебито во время татарского нашествия, «новые бояре» гораздо более зависели от князя. Упадок городов неизбежно вызвал и упадок вечевых порядков,

сохранившихся лишь там, куда не дошли татары, – в Великом Новгороде и в западнорусских землях.

Помимо этой главной инновации из Золотой Орды пришло немало более частных, призванных способствовать государственной централизации: регулярное налогообложение пропорционально имущественному достатку, переписи населения, ямские станции²⁴. Когда Н.М. Карамзин писал, что Московская Россия «обязана своим величием [татарским] ханам», то он был во многом прав. С одним уточнением – ханам обязана, прежде всего, та Россия, которая признала «необходимость самовластья и прелести кнута».

Импорт институтов «восточного деспотизма» происходил во всех княжествах Северо-Восточной России. Правители Московского княжества оказались, видимо, наиболее «прилежными» и удачливыми «учениками» золотоордынских ханов, поэтому именно Москва стала, по существу, наследником Золотой Орды. Вряд ли можно сомневаться, что если бы первенство в объединении русских земель перехватило другое княжество, то, скажем, тверское самодержавие мало чем отличалось бы от московского. Эта унификация институтов вассальных Орде русских княжеств сильно облегчила затем их объединение, зато затруднила присоединение тех земель (Новгород и Псков, западнорусские земли), которые не подвергались сколько-нибудь длительному татарскому игу.

Когда Московское государство стало политически независимым, импорт восточных институтов продолжился, но теперь объектом подражания стала набиравшая силу Турецкая (Османская) империя. Если «татарские» институты внедрялись принудительно, «плеткой баскака», то внедрение «турецких» институтов явилось, напротив, результатом сознательного и добровольного выбора правителей Московии, пожелавших соединить «веру христианскую» с «правдой турецкой»²⁵.

Главным институтом, заимствованным москвитями у турок, считают *поместную систему* как основу многочисленного и хорошо оснащенного войска. Турецкая армия состояла в основном из тимариотов – держателей надела за воинскую службу. Взятие казалось бы неприступного Константинополя в 1453 г. стало яркой демонстрацией мощи турецкой армии, и уже в 1480-е гг. Иван III начал поместную реформу, направленную на расширение поместного землевладения за счет сокращения вотчинного, а также на максимальное приближение вотчинников к статусу помещиков. В недавно присоединенном Новгороде почти все «старые» землевладельцы были выселены, их земли конфискованы, переписаны и розданы московским воинам в поместья. Затем начались переписи земель, конфискации и поместные раздачи в других уездах. При Иване III и его сыне Василии III урезаются права вотчинников – большинство их лишились податных иммунитетов.

Высшей точкой сознательной «османизации» Московского государства – и одновременно апогеем развития институтов власти-собственности – стала, видимо, эпоха Ивана IV. В 1555 г. произвели четкое нормирование служебных обязанностей: с каждых учтенных в писцовых книгах 150 десятин «доброй земли», помещицья она или вотчинная, обязательно выставлялся конный воин на коне и

²⁴ О влиянии Золотой Орды на становление российской цивилизации см., например [Нефедов 2010, с. 144-151].

²⁵ О заимствовании турецких институтов см. [Нефедов 2002; Нефедов 2010, с. 210-222].

в доспехе. Для давления на вотчинников в 1562 г. был принят указ, согласно которому запрещалась продажа родовых княжеских вотчин, при отсутствии прямого наследника вотчины отбирались в казну. Этим указом запускался механизм постепенной почти полной конфискации вотчинных земель. Если до «турецких» реформ поместные пожалования уступали вотчинам, то теперь ситуация меняется: в 1540-е гг. в центральных уездах вотчины и поместья были примерно равными половинами частновладельческих земель, а к началу XVII в. поместья составляли уже более 60% частновладельческих земель.

Впрочем, кризис начала XVII в. показал, что в российских условиях курс на «развотчинивание» (своего рода «раскулачивание») чреват негативными последствиями. Хотя вотчины отличались от поместий скорее количественно, чем качественно, но и этих отличий было достаточно, чтобы, по словам советских клиометриков, «вотчинный тип феодальной собственности по всем факторам, на разных классах показателей, отличался более оптимальными характеристиками, чем тип поместного феодального землевладения» [Милов, Булгаков, Гарскова 1986, с. 285]. Имея несколько более веские основания рассматривать имение как свою собственность, которую можно будет оставить в наследство детям, владельцы вотчин лучше заботились о своих крестьянах, чем владельцы поместий.

После Смуты Романовы начали своеобразную «денационализацию», щедро разрешая переводить помещичьи владения в вотчинные. К концу XVII в. доля помещичьего землевладения сократилась до 40%²⁶. Если ранее вотчины сближались с поместьем, то теперь, наоборот, поместья стали сближаться с вотчинами. В частности, уже при Михаиле Романове был узаконен переход имения в род помещика, умершего бездетным, – мероприятие, диаметрально противоположное указу 1562 г.

«Ветер с Востока» стал ослабевать в XVII в., когда в мировой истории обожначилось первенство западного пути развития над восточным. Смена династии совпала и с переменной направления поиска образцов для подражания. Реформы по созданию регулярной армии и стимулированию экспортной торговли, начавшиеся еще в 1630-е гг., производились уже с ориентацией на опыт Голландии [Нефедов 2004]. Только с этого времени русские реформаторы стали стремиться подражать Западу, а не Востоку. Конечно, на первых порах это подражание касалось в основном наиболее поверхностных институтов (армия, прикладное образование, производство военной техники). Поэтому в XVII–XVIII вв. одновременно происходило усиление как прозападных, так и провосточных институтов: например, установление крепостного права в 1649 г., чтобы крестьяне не могли уйти от своего помещика/вотчинника, – и начало создания в 1650-е гг. регулярной армии, для которой уже не нужны военно-служебные пожалования.

Впрочем, влияние институтов западного типа на русскую цивилизацию даже в XIII–XVI вв. хотя и постепенно слабело, но никогда не прекращалось.

«Пограничный» характер российской цивилизации привел к тому, что побеждающая *московская модель* отношений власти-собственности все же наталкивалась на противодействие иных моделей (*рисунок 10*).

²⁶ Данные о соотношении вотчинного и помещичьего землевладения см. [Зимин 1960, с. 76-78; *Собственность в России* 2001, с. 53].

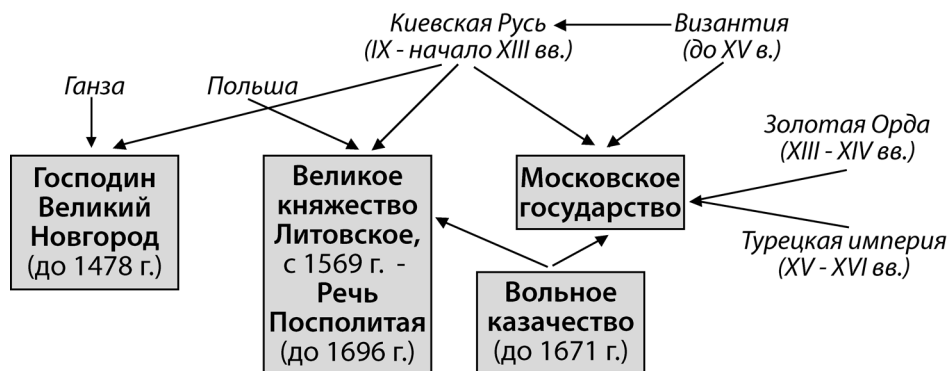

Рисунок 10. Альтернативные институциональные модели и импорт институтов в средневековой России

Новгородская модель отражала сохранившуюся со времен Киевской Руси самобытную традицию частнособственнических отношений, *литовская модель* – традицию западного пути развития, а *казацкая модель* – разновидность отношений власти-собственности, причем более примитивных, чем доминировавшие в Московском государстве. Все эти три альтернативных варианта развития российской цивилизации потерпели поражение в конкуренции с московским «вотчинным государством». Анализ этого противоборства позволяет лучше понять механизмы институциональной конкуренции и увидеть те точки бифуркации, когда развитие российской цивилизации могло бы пойти иным путем.

Противоборство московской социально-экономической модели в XIII–XV вв. с альтернативными моделями развития русской цивилизации шло «на два фронта» – против Новгородской боярской республики и против Великого княжества Литовского. Обе они развивались под влиянием западных институтов (влияние Ганзы на Новгород, Польши на Литву) и демонстрировали более высокую степень политической и экономической свободы, чем московское самодержавие.

Раньше всего Москве удалось покончить с Новгородом. Если в XIV в. Новгородская республика ограничивала свою зависимость от Москвы выплатой дани для пересылки в Золотую Орду, то после разгрома на Шелони в 1471 г. Новгород признал себя «отчиной» московского великого князя, а в 1478 г. остатки самоуправления были полностью ликвидированы. Относительно легкая победа Москвы над Новгородом связана, прежде всего, с тем, что Господин Великий Новгород не смог создать эффективной системы самозащиты. Военная система Новгорода, которая основывалась на сочетании использования дружины приглашенного служилого князя с городским ополчением, эффективно работала, лишь пока Новгород боролся с иноземными захватчиками (как в XIII в. с Тевтонским орденом). Во время же военного противоборства с московскими великими князьями новгородская демократия не находила подходящих князей-военачальников и могла рассчитывать только на собственные силы. К тому же после реформ 1410-х гг. вечевая демократия практически исчезла, сменившись боярской олигархией (наподобие средневековой Венеции). Оказавшись в значительной степени отчужденными от

управления, «черные люди» Новгорода имели меньше стимулов защищать республиканские институты [Янин 2003, с. 353, 438].

Противоборство Москвы с Литвой проходило, в сравнении со слабостью новгородской альтернативы, в гораздо более равных условиях. Поскольку Великое княжество Литовское, как и Московское великое княжество, применяло вотчинно-поместную систему военной комплектации, то ее военный потенциал был никак не ниже, чем у Москвы. Показателем военной силы Литвы является хотя бы то, что если Москва платила дань Золотой Орде, то Литва была от нее независима (хотя и сильно страдала от татарских набегов). В институциональной конкуренции между Москвой и Литвой поражение Литвы как «второй России» – Западной России, борющейся с московской Восточной Россией, – связывают с неудачным конфессиональным выбором литовских князей. Приняв по Кревской унии 1385 г. католицизм, они во многом «закрыли» для себя возможность стать «своими» для русских подданных, поскольку вплоть до новейшего времени конфессиональные границы становились и границами «национальных» экономических систем. «Люблинская трагедия», как назвал современный литовский историк Э. Гудавичюс неравноправную Люблинскую унию 1569 г. Великого княжества Литовского с Польшей [Гудавичюс 2005, с. 647], резко усилила окатоличивание элиты Западной России и тем самым ее конфронтацию с Восточной (Московской) Россией.

Вероятно, если бы Ягайло и Витовт сделали ставку не на союз с католической Польшей, а на укрепление поддержки православных подданных, они могли бы присоединить Московское княжество к Литве и «досрочно» ликвидировать зависимость Северо-Восточной Руси от татар, сыграв в русской истории роль Ивана III. Не очевидно, что объединенная Гедиминовичами Россия осталась бы единым государством с доминированием именно литовских институтов (шляхетская демократия, магдебургское право и др.). Но даже если бы восточно-русские земли откололись затем от западно-русских, влияние литовских порядков, вероятно, заметно снизило бы роль «московских» институтов власти-собственности. Правда, в западно-русских («литовских») землях под влиянием московских порядков дворянские вольности тоже приняли бы, очевидно, более умеренный характер.

У московской модели был еще и «третий фронт» – противостояние казачьей модели развития. Если новгородская и литовская модели были основаны на институтах частной собственности, то казацкая модель являлась разновидностью власти-собственности, причем еще менее эффективной, чем московская модель.

Если в советские времена вольные казаки считались, прежде всего, борцами против феодальной эксплуатации, то в последние десятилетия российские «патриоты» превозносят их как защитников Отечества и православия. Реальные донцы и запорожцы, однако, причудливо сочетали черты не только защитников свободы, но также профессиональных наемников, пиратов и кочевников-грабителей²⁷.

Численность казаков в сравнении с числом подданных Москвы и Литвы была весьма небольшой – лишь несколько десятков тысяч человек. Однако высокий во-

²⁷ Ранее этот сюжет был подробно рассмотрен в статье [Латов 2001].

енный потенциал вольного казачества, а также его способность при благоприятных условиях резко увеличивать свои ряды за счет приема новых пассионариев, заставляли рассматривать казаков как вескую силу, способную выдвигать свой вариант социально-экономического устройства общества. Казаки формально считались состоящими на жаловании у правителей Московии (казаки Дона) и Речи Посполитой (казаки Запорожской Сечи) как своеобразная пограничная стража, действующая против Крымского ханства и Османской империи. На деле казаки руководствовались собственными интересами, далеко не всегда совпадавшими с интересами тех, кому они формально подчинялись²⁸.

Донские и запорожские казаки предприняли несколько неудачных попыток создать собственную государственность: самовольный поход Ермака в Сибирь 1581–1582 гг., казацкие восстания конца XVI – начала XVII вв. в Речи Посполитой, участие в Смуте 1607–1618 гг., Азовское сидение 1637–1642 гг. В конце концов украинским казакам удалось под руководством Богдана Хмельницкого создать Казацкое государство, которое примерно полвека лавировало между Московским царством, Речью Посполитой и Крымским ханством. В Казацком государстве поместная система землевладения сохранилась, однако произошло резкое усиление институтов власти-собственности в форме рангового землевладения²⁹. Иначе говоря, удачный казацкий мятеж оказался элементом «азиатского цикла» смены правящих элит. Лишь во времена Ивана Мазепы казацкая старшина начала активно закреплять земли в наследуемое владение, приближаясь к московским служивым помещикам.

Если бы у казаков во время Смуты 1607–1618 гг. появился лидер типа Богдана Хмельницкого, то эта гражданская война могла закончиться коронацией «казацкого царя»³⁰ и «вторым изданием» власти-собственности в масштабах всего Московского царства. Поэтому если провал литовской альтернативы развития российской цивилизации был неэффективным выбором в бифуркационной ситуации, то пресечение казацкой альтернативы, напротив, – это пример эффективного выбора. Московский вариант власти-собственности был определенно лучше казацкой власти-собственности.

Таким образом, главным сюжетом институциональной экономической истории средневековой России является постоянное противоборство двух институциональных систем, двух наборов «правил игры» – основанной на восточной власти-собственности и основанной на западных принципах уважения прав частной собственности (*таблица б*).

²⁸ Яркий пример самостоятельной политики казаков – так называемая Босфорская война, регулярные набеги донцов и запорожцев на причерноморские земли Турции в 1620-е гг. [Королев 2007].

²⁹ «Еще во времена Б. Хмельницкого возникает так называемое ранговое землевладение. Это были имения (земли вместе с крестьянами, которые до этого времени населяли данные территории и обрабатывали их), предоставляемые старшинам при занятии ими определенной должности — ранга — из земельного фонда Войска Запорожского. Такое землевладение носило временный и условный характер, как и поместье (условное, ненаследственное феодальное землевладение), очень распространенное тогда в России» [История экономики и экономической мысли, 2010].

³⁰ Как известно, среди претендентов на власть в Московии было несколько предводителей казачества – например, Лжедмитрий II и атаман Иван Заруцкий, мужа законно коронованной царицы Марины Мнишек.

Таблица 6. Сравнение институциональных характеристик альтернативных моделей развития русской цивилизации XIII – XVII вв.

Институциональные характеристики	Модели, основанные на власти-собственности		Модели, основанные на частной собственности	
	Московская модель	Казацкая модель	Новгородская модель	Литовская модель
Формы земельной собственности	Поместья и вотчины как индивидуальные служебные владения	Приставства как коллективные служебные владения, ранговые имения как индивидуальные служебные владения	Вотчинная неслужебная собственность	
Управление	Самодержавное	Демократическое	Боярская олигархия с элементами народной демократии	Дворянская демократия
Военная организация	Поместная система	Поголовное вооружение	Дружина приглашенного князя, городское ополчение	Дворянская и наемная армии
Причины поражения в конкуренции с Москвой	–	Разрозненность вооруженных сил, непривлекательность для крестьян	Слабость военной организации	Неудачный конфессиональный выбор правящей династии

В формировании российского «служивого государства» можно выделить три бифуркационных события:

– первое связано с победой монголо-татар над русскими княжествами во время похода Батые в 1237–1240 гг. и установление затем над Северо-Восточной Русью режима ордынского «протектората», при котором осуществлялся активный экспорт институтов власти-собственности;

– второе – с постепенной победой в XIV–XVII вв. простонародной московской модели власти-собственности над прозападной литовской моделью, предполагающей развитие частной собственности;

– третье – с победой в XVII в. московской модели над казацкой моделью, которая являлась более архаичной версией системы институтов власти-собственности.

Если в средневековой России противоборство разных институциональных моделей развития российской цивилизации завершилось к XVI–XVII вв. торжеством власти-собственности, то новое время стало периодом постепенного и не слишком последовательного, но несомненного усиления институтов частной собственности³¹. Зависимость от предшествовавшего развития сильно тормозила этот процесс, так что даже в начале XX в. институты российского самодержавного государства сильно отличались от западноевропейских.

* * *

История развития российской цивилизации в XVII–XX вв. показывает, что превращение ее в органическую часть западноевропейской цивилизации мало реально.

³¹ Подробнее см. [Нуреев, Латов 2007].

Попытки активного насаждения западноевропейских институтов всегда вызывали реакцию отторжения, что превращало историю России в чередование «приливов» и «отливов» европеизации. В XXI в. курс на вестернизацию России выглядит еще менее привлекательным: в настоящее время западноевропейская цивилизация постепенно снижает роль общемирового лидера, зато на эту роль активно претендуют конфуцианская и исламская цивилизации.

С точки зрения перспектив на будущее, наиболее плодотворной нам представляется самоидентификация России как самостоятельной цивилизации. Географически находясь на окраине Европы, она – «другая Европа», «альтернативная Европа». Будучи пограничной между Западом и Востоком, Россия может играть большую роль в канализации «конфликта цивилизаций» в русло взаимовыгодной институциональной конкуренции. Конкуренция национальных моделей развития России, Украины и Белоруссии в постсоветский период является частным примером этого явления.

Литература

- Аграрная история Северо-Западной Руси. Вторая половина XV – начало XVI веков (1971) Л.: Наука.
- Бессонова О.Э. (1997) Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН (http://ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/BESSONOVA/b2/mono_3.html).
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. (1988) Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль.
- Васильев Л.С. (1982) Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука.
- Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Введенский А.А. (1933) Фальсификация документов в Московском государстве XVI – XVII вв. // Труды Историко-Археологического Института Академии Наук СССР. Т. IX. Проблемы источниковедения. Сборник первый. М.-Л.: ОГИЗ (<http://opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=2393>).
- Голенкова З.Т. (1997) Гражданское общество в России // Социологические исследования. № 3. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики (2001). М.: Наука.
- Горский А.А. (2004) Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры.
- Гудавичюс Э. (2005) История Литвы с древнейших времён до 1569 года. М.: Фонд им. И.Д.Сытина, VALTRUS.
- Гусейнов Р.М. (1999) История экономики России. Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг».
- Зимин А.А. (1960) Реформы Ивана Грозного. М.: Наука.
- Ивонин А.Р. (2011) Тупики «русского феодализма» // Общественные науки и современность. № 2.
- История экономики и экономической мысли: учебное пособие (2010). Под общ. ред. проф. С.В. Степаненко. Киев: КНЕУ.
- Кабузан В.М. (2000) Население Российской империи в XVIII веке // Исследования по истории России XVI–XVIII вв. Сб. ст. в честь 70-летия Я.Е. Володарского. М.

- Карпини Дживанни дель Плано* (1957). История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы.
- Касьянова К.* (1994) О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики.
- Кирилина А.В.* (1999) Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН.
- Клопыжникова Н.М.* (1996) Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе // Проблемы перехода России к рыночной экономике. Выпуск V. М.: МОНФ.
- Ключевский В.О.* (1956) Сочинения: В 8 т. Т. I. М.: Госполитиздат.
- Ключевский В.О.* (1989) Курс русской истории. Сочинения в 9 томах. Т. 8. М.: Мысль.
- Ключевский В.О.* (1991) Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей.
- Коваль Т.Б.* (1994) Этика труда православия // Общественные науки и современность. № 6.
- Королев В.Н.* (2007) Босфорская война. М.: Вече.
- Латов Ю.В.* (2001) Особенности национального рэкета: история и современность // Мир России. № 3.
- Латов Ю.В.* (2004) Может ли теория экономической истории не быть институциональной? // Вопросы экономики. № 2.
- Латов Ю.В.* (2008) Конкуренция в развитии теорий и в развитии российской цивилизации (размышления над концепцией О.Э. Бессоновой) // Мир России. № 2.
- Маньков А.Г.* (1951) Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л.: Издательство АН СССР.
- Милов Л.В.* (1995) Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. № 1.
- Милов Л.В.* (1998) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* (1986) Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М.: Изд-во Московского университета.
- Нефедов С.А.* (2002) Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. № 11 (<http://book.uraic.ru/elib/Authors/Nefedov/Science/Russia/Osman.htm>).
- Нефедов С.А.* (2004) Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. № 4.
- Нефедов С.А.* (2010) История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Никольский Б.* (1928) Войны России // Русский колокол. № 3 (<http://rus-sky.com/gosudarstvo/army/nikolsky.htm>).
- Нуреев Р.М.* (1979) Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. Вып. 5 (<http://www.auditorium.ru/books/716/>).
- Нуреев Р.М.* (1989) Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш.
- Нуреев Р.М.* (1991) Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. М.: МГУ.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* (2007) Институциональные ограничения догоняющего развития императорской России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. № 2.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* (2010) Россия и Европа: эффект колеев (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград.
- Павлов-Сильванский Н.П.* (1988) Феодализм в России. М.: Наука.
- Пайнс Р.* (1993) Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.

- Пайнс Р.* (2000) *Собственность и свобода*. М.: Московская Школа Политических Исследований.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (1979). Л.: Наука.
- Першин П.Н.* (1961) *Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование*. Кн. 1. М., Наука.
- Плеханов Г.В.* (1926) *Сочинения*. 2-е изд. Т. XV. М.-Л.: Государственное издательство.
- Посошков И.Т.* (2001) *Книга о скудости и богатстве*. М.: Издательский дом «Экономическая газета».
- Проблемы социальной истории крестьянства Азии (1986). Вып. 1. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. М.: ИНИОН.
- Проблемы социальной истории крестьянства Азии (1988). Вып. 2. «Моральный крестьянин» или «рациональный крестьянин»? М.: ИНИОН.
- Российский цивилизационный космос (1999). М.: Эйдос.
- Седов П.В.* (1996) *Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история*. № 1.
- Собственность в России: Средневековье и раннее новое время* (2001). М.: Наука.
- Тюгашев Е.А.* (1998) *Православное отношение к труду в зеркале нравственного богословия // Человек. Труд. Занятость*. Вып. 2. Новосибирск.
- Хитров Д.А.* (2004) *К вопросу об эволюции феодального влажения в Центральном Нечерноземье в XVIII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. № 1.
- Экономические субъекты постсоветской России* (2001). М.: МОНФ.
- Янин В.Л.* (2003) *Новгородские посадники*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры.
- Wittfogel K.-A.* (1957) *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power* (New Haven: Yale University Press).

XIII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»

3-5 апреля 2012 г. в Москве состоится XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Оргкомитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года (Стратегия-2020)» и «Экономика, право и доверие». Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. Секционные заседания и заседания круглых столов в рамках конференции будут проходить по следующим направлениям:

- Макроэкономика и экономический рост
- Качество государственного управления
- Фирмы и рынки
- Наука и инновации
- Банки и финансы
- Экономика и право
- Мировая экономика и политика
- Местное самоуправление и гражданская самоорганизация
- Политические процессы
- Демография и рынки труда
- Региональное развитие
- Города и агломерации
- Теоретическая экономика
- Экономическая история
- Социально-культурные процессы
- Социальная политика
- Социология
- Социально-экономические проблемы здравоохранения
- Менеджмент
- Развитие образования

Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным выше темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии – 15-20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5-7 минутами. С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет «Высшую школу экономики» **с 12 сентября 2011 г. до 14 ноября 2011 г.** Регистрация заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

В заявке должны быть указаны фамилия, имя, отчество докладчика, место работы и должность, контактный адрес, телефон, факс и электронная почта, название предлагаемого доклада. К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1,5 интервала (до 7 000 знаков). В аннотации должны быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы,

даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также должны быть изложены основные полученные результаты. Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объемом менее 1 стр., не рассматриваются.

Авторы доклада могут сообщить о своем желании участвовать в симпозиумах по специальным темам конференции. Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, **до 14 ноября 2011 г.** может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено на адрес interconf@hse.ru и должно содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Продолжительность сессии 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято **до 20 января 2012 г.** на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны **до 1 марта 2012 г.** представить полный текст доклада (объемом до 20 тыс. знаков, включая пробелы, в формате Word, RTF или PDF) для размещения на сайте конференции. Окончательные версии докладов должны быть представлены **до 16 мая 2012 г.** Решение об их публикации в сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования. Доклады, которые не были представлены на конференции, не рассматриваются для публикации.

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены **до 1 марта 2012 г.** по адресу interconf@hse.ru.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line **с 15 ноября 2011 г. до 9 марта 2012 г.** по адресу: <http://conf.hse.ru/>

Организационный взнос за участие в конференции составляет:

	Для российских участников	Для иностранных участников		Для российских и зарубежных студентов и аспирантов
		Развитые страны	Развивающиеся страны, СНГ и ЦВЕ	
до 1.03.2012 г.	1000 руб.	100 долл. США	70 долл. США	200 руб.
до 2.04.2012 г.	1500 руб.	150 долл. США		300 руб.
с 3.04.2012 г.	2000 руб.	170 долл. США		500 руб.

Банковские реквизиты счетов, на которые должен быть переведен организационный взнос, с 12 сентября 2011 года будут доступны по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

От уплаты организационного взноса освобождаются почетные гости конференции, работники федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также лица, специально приглашенные Оргкомитетом конференции.

С программами и материалами I-XII международных научных конференций (2000–2011 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2010/history>.

Овсею Ирмовичу Шкаратану - 80

Человек диалога...

Своим переходом в социологию из политической экономики я во многом обязан Т.И. Заславской и О.И. Шкаратану. И если Заславская привела меня к воротам социологии, увлекая необычными для того времени статьями про стратификацию и устройство общества, то О.И. Шкаратан помог в эти ворота войти.

Мы познакомились почти случайно, хотя сейчас это случайностью уже никак не кажется. Он принадлежал к числу отцов-основателей российской (советской) социологии, был автором классических исследований в Ленинграде и Татарстане, одним из немногих ученых, которых признавали коллеги за «железным занавесом». Я же был заинтересованным неопитом. А дальше... были многочисленные беседы в его домашнем кабинете, рассказы о социологии и социологах, о том, как проводились первые эмпирические исследования в Ленинграде (позднее я записал с ним об этом специальное большое интервью). Эти беседы помогли понять контекст, в котором существовала социология, и людей, которых ею занимались. Овсею Ирмович давал мне книги из своей домашней библиотеки, удивительно обширной для

того времени, когда их можно было добыть в лучшем случае в спецфонде ИНИОНа, а чаще всего и вовсе нельзя было заполучить. Я брал их целыми стопками, уезжал из Москвы, читал запоем, а, возвращаясь, обсуждал с О.И. Шкаратаном, который помогал мне сориентироваться в новом незнакомом пространстве.

Тогда же появились наши первые совместные статьи о характере советского общества, где на передний план выдвигалась запретная ранее проблематика всеобъемлющей власти «социалистического» государства. Позднее, когда начались издательские программы в соросовской «Культурной инициативе», Овсей Ирмович предложил написать совместную книгу о социальной стратификации, которая стала первым в России учебным пособием по этой теме. Не могу сказать, что работать вместе всегда было легко, зачастую мы отчаянно спорили, особенно когда дело касалось современной отечественной мысли. Но в итоге это всегда было продуктивным.

Вообще О.И. Шкаратан – человек диалога. Он привык сначала проговаривать идеи с собеседником, а затем уже их прописывать. Именно поэтому он постоянно возится с молодыми исследователями, и эта органическая смесь партнерства и наставничества здорово продвигает любого, кто попадает в его орбиту.

Для меня тоже это был очень ценный опыт. И поучиться, поверьте, было чему. Например, Овсей Ирмович показывал мне рабочие материалы своих более ранних проектов. И надо сказать, что это впечатляло. Программа исследования представляла собой весьма увесистый том с детальным выписыванием методологии и инструментария. В более позднее время мне такие документы видеть уже не доводилось. Проекты стали делать быстрее, уже не до составления обширных программ... В чем-то мы стали профессиональнее, но какие-то важные элементы былой профессиональной культуры, боюсь, наоборот, оказались утерянными.

Книги О.И. Шкаратана, опубликованные в советский период и сделавшие его известным, формально были посвящены социальной структуре рабочего класса. Но писал он об этом совсем не так как большинство других. И вскоре я понял, что занятия рабочим классом для О.И. Шкаратана – своего рода отвлекающий маневр. Главным объектом для него всегда были профессионалы с высшим образованием, которые классифицировались официальной доктриной в качестве некой «недоделанной» прослойки «интеллигенции». И предлагая тонкий анализ слоевых различий, О.И. Шкаратан, по сути, пытался реабилитировать и поднять эту социальную группу (то есть нас с вами) из того приниженого положения, в которое ее ставили советские идеологи, которые чувствовали, куда дует ветер, и потому труды О.И. Шкаратана не любили. Но благодаря методологической изощренности они все-таки печатались.

Как и многие шестидесятники, в реформенный период О.И. Шкаратан увлекся политикой, став советником Правительства России. Я же организовал собственную команду, и мы начали делать первые социологические проекты. Но и здесь Овсей Ирмович оказал мне неоценимую помощь – в нашу первую команду вошла его дочь Мария – одна из самых умных и красивых женщин в российской социологии. Сейчас, к сожалению, она в далекой Америке. Зато Овсей Ирмович уже не только отец российской социологии, но и счастливый дедушка.

Вновь судьба свела нас с О.И. Шкаратаном уже в Высшей школе экономики. Я был приглашен Ярославом Кузьминовым на должность проректора, но не мог не

думать о чтении лекций. И Овсей Ирмович, бывший одним из основателей факультета социологии, неожиданно предложил мне созданную им ранее кафедру экономической социологии, решив перейти на факультет экономики. Мы договорились дать всем нашим коллегам полную свободу выбора – кто хотел работать с экономистами, ушел, кто же предпочел работать с социологами, остался. Так я стал его преемником по должности, как ранее был восприимчивым по мысли.

Сам же Овсей Ирмович (годы тут явно не помеха) продолжает творить. Выходит прекрасный журнал «Мир России», возникла новая лаборатория, появляются новые ученики и замечательные книги.

С юбилеем, дорогой Учитель!

В.В. Радаев

...С которым интересно...

Хорошо, что есть календарь – одометр движущегося устройства под названием «Жизнь». Благодаря ему можно притормозить, задержать ненадолго цифру с нулем или пятеркой на конце и выслушать все, что думают о тебе тебя окружающие. Но поздравления поздравлениям – рознь: от дежурных юбилейных ритуалов ни жарко, ни холодно. Тем более, когда речь идет о людях масштаба Овсея Ирмовича Шкаратана.

Я познакомился с ним, но не очень близко в только что созданном и имевшем огромный, но так и не реализованный исследовательский потенциал Институте проблем занятости (ИПЗ) РАН в очень непростом 1991-м году. Рушилась страна, девальвировались казавшиеся незыблемыми ценности, перечеркивались традиционные трудовые биографии, шел активный поиск институциональных форм, адекватных рыночным механизмам развития научного консалтинга. Старые советские структуры рушились, и в этом смысле ИПЗ был обречен. Ученые разбежались – по министерствам и ведомствам, вузам, другим исследовательским структурам.

Овсей Ирмович консультировал первое правительство Егора Гайдара. Человек целостный и «социально справедливый», он отстаивал свои позиции в тех областях, где решения затрагивали интересы всего общества: приватизация, компенсация «дореформенных» банковских вкладов... И его воззрения, человека уже в то время очень мудрого, но принципиального и имевшего в прошлом конфликты с ленинградскими партийными чиновниками, часто принципиально расходились с точкой зрения того, самого первого и талантливого правительства молодых либералов.

Поэтому он и пребывал в этой роли не очень долго: уже год спустя он возвращается к своим академическим исследованиям. Но знаю, что в отличие от многих, которые полагают, что нынешней России уже не поможешь, Овсей Ирмович ведет себя как гражданин, переживающий за нее. Помню, как после кризиса 1998 г. в составе авторского коллектива мы вместе с ним работали над докладом ВШЭ «Российская экономика. Условия выживания, перспективы развития». Нужно

было слышать Овсея Ирмовича, когда он доказывал необходимость расширения масштабов социальной поддержки российского населения. И пусть я буду политически некорректен, но когда псевдопатриоты России говорят о происках «мировой закулисы», мне всегда хочется сказать: выйдите на авансцену, Овсей Ирмович! Со своими трудами.

С середины 1990-х мы общаемся довольно часто, и я признателен судьбе за это. В течение трех лет на кафедре экономической социологии ВШЭ, которые в то время возглавлял Овсей Ирмович, я по его приглашению читал курс «Социальная политика». Именно он подвиг меня вместе с д.ф.н. Т.Ю. Сидориной на написание учебного пособия, вышедшего в 2004 г. в серии учебников ВШЭ. Именно на его кафедре в доброжелательной и конструктивной атмосфере прошло обсуждение моей докторской диссертации. Именно ему я обязан личным знакомством с известными российскими социологами Н.Е. Покровским и Е.Б. Мезенцевой. Увы, сотрудничество в этой области пришлось прервать: загруженность научным консалтингом не оставила мне времени на преподавательскую деятельность.

Хочу отметить еще одно качество Овсея Ирмовича: он реально читает публикации коллег, а не просто ставит на полку книги и статьи с авторскими посвящениями. Отчасти поэтому я и оказался в свое время на его кафедре. Признателен я ему за возможность публиковаться на страницах «Мира России», и стараюсь соответствовать требованиям журнала, который успешно ведется его главным редактором уже два десятилетия.

Освободившись несколько лет назад от излишних административных нагрузок, Овсей Ирмович стал еще активнее работать с молодежью. Один из реальных плодов этой работы – интереснейшая книга ««Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России»», на которую я с огромным удовольствием написал и опубликовал рецензию. «Научная школа Шкаратана» не виртуальна, а реальна в исследованиях, публикациях и научных семинарах.

Демократия с ее многообразием, неоднозначностью напрочь перечеркивает институт авторитетов. В собственном мировосприятии люди делятся на «интересных» и «неинтересных». И потуги, пусть даже и облеченного властью лица, стать интересным при внутренней изначальной его убогости обречены. А вот с Овсеем Ирмовичем интересно всегда. Очень хочу, чтобы наши дискуссии продолжались.

Овсей Ирмович, единственное пожелание в этот день – здоровья! Поскольку творческий потенциал Ваш неубывающ!

С.Н. Смирнов

...Осознанно менять приоритеты

До 2004 года, когда я познакомился с Овсеем Ирмовичем, мне сложно было представить себе, что моя жизнь станет складываться по столь нетипичной для большинства моих сокурсников академической траектории. Поступая на факультет экономики в ГУ ВШЭ, я руководствовался исключительно прагматическими сооб-

ражениями, которые, как мне тогда представлялось, выведут меня на «денежную» должность в какую-нибудь крупную успешную компанию. По крайней мере, так случилось с подавляющей частью моих сокурсников, проявивших в обучении достаточное усердие и целеустремленность и поспешивших устроиться на работу, зачастую не дожидаясь получения дипломов.

Знакомство наше состоялось в тот самый момент, когда встала необходимость определиться с дальнейшей специализацией. Именно тогда мое внимание неожиданно привлекла концепция программы, звучавшей тогда весьма нетрадиционно для классической палитры экономических специальностей – прикладная социэкономика. Ее инициатором и руководителем был Овсей Ирмович, который ввел на факультете уникальный комплекс дисциплин, лежащих на стыке двух магистральных научных направлений – социологии и экономики. И, видимо, судьба подыграла тому, чтобы в моих терзаниях между рациональностью, ориентированной на получение прагматических знаний, и жгучим любопытством к сложным междисциплинарным научным проблемам в конечном счете победила тяга к последним. Буквально с первых же занятий Овсей Ирмович «сразил» нашу группу своим фантастически интересным курсом о социальной стратификации. Будучи по своей натуре потрясающим рассказчиком, даже самые сложные теоретические построения он излагал с такой степенью легкости и искусства, что зачастую мы сами не замечали, как начинали воспринимать окружающую нас социальную действительность совершенно иначе – аналитически. К этому можно добавить то, что блестящее знание истории позволяло ему наполнить это изложение тем ценным содержанием, благодаря которому теория превращается из статичного конструкта в живой, постоянно развивающийся организм.

Тогда же, распаленный горячими рассуждениями о проблемах социального неравенства и социальной справедливости, я принял решение писать у Овсея Ирмовича свой дипломный проект. Помню, как под влиянием своего увлечения Германией впервые пришел к нему с амбициозной идеей рассмотреть перспективы интеграции рынков труда восточной и западной части страны с точки зрения их социальной структуры – Овсей Ирмович в считанные секунды прямо из своего кабинета связал меня со своими зарубежными коллегами, которых он считал лучшими консультантами по этому вопросу! Впрочем, с таким же участием и сосредоточенностью он относится к идеям и инициативам всех своих студентов. Эта особенность выгодно отличает Овсея Ирмовича от многих других научных руководителей в «Вышке». И меня по-прежнему восхищает то, что это по-отечески трепетное отношение к каждому ученику не оставляет моего Учителя до сих пор, несмотря на его почтительный возраст и на хроническую нехватку усердия, прилагаемого студентами в работе над своими проектами.

В этом есть некоторая ирония, но впоследствии проект моего исследования радикально поменялся. И это еще один характерный эпизод из нашего сотрудничества. Спустя некоторое время после первой встречи, Овсей Ирмович вызвал меня «на ковер», чтобы выразить свое недоумение по поводу выбранной темы. Я и представить себе не мог, ЧТО его так волновало – почему не Россия предмет моих изысканий!? Почему наша молодежь сегодня с такой легкостью абстрагируется от насущных социальных проблем, которые чрезвычайно остро стоят перед нашей

собственной страной?! Эта «воспитательная» беседа и такое искреннее переживание научного руководителя произвели на меня настолько сильное впечатление, что с тех самых пор фокус моего внимания в исследованиях был прочно связан с желанием глубже понять непростую российскую действительность.

Будучи больше, чем просто настоящим педагогом, Овсей Ирмович знал, что разбудить в человеке интерес к науке недостаточно – необходимо «ввести» его в научное сообщество, необходимо помочь преодолеть неуверенность, связанную с высокими профессиональными требованиями, с одной стороны, и не менее высокими альтернативными издержками выхода на рынок труда, с другой. Именно благодаря его поддержке и активному участию мое увлечение наукой очень быстро переросло в профессиональное пристрастие, без которого сегодня я уже не могу представить свою дальнейшую жизнь. Начиная с магистратуры, я был вовлечен им в огромное исследование, посвященное изучению социального неравенства в современной России. Последовали многочисленные публикации, выступления на российских и зарубежных конференциях, разработка и чтение обновленных учебных курсов. Но, что важно и ценно, так это то, что за всем этим стоят долгие беседы и обсуждения, в ходе которых я по-прежнему черпаю у Овсея Ирмовича вдохновение и знания, кажущиеся мне абсолютно нескончаемыми.

И, наконец, не могу не сказать о том, что считаю для себя, пожалуй, самым многозначимым в нашем знакомстве. Как-то совершенно незаметно сравнительно короткое, но весьма плодотворное сотрудничество с Овсеєм Ирмовичем переросло в ту стадию, когда психологическая разница в возрасте вдруг перестала нами восприниматься как некий барьер. К чувству глубокого уважения и неизмеримого восхищения, которыми я всегда был к нему проникнут, добавилось еще чувство духовной близости, благодаря которому Учитель стал Другом. И больше всего мне хотелось бы пожелать, чтобы эта дружба продолжала крепнуть как можно дольше!

С днем рождения, Овсей Ирмович – мой дорогой Друг и Учитель!

Г.А. Ястребов